

ОЛЕГ ХАРХОРДИН*

КАК СОЕДИНИТЬ МОНАРХИЮ С ДЕМОКРАТИЕЙ**

РЕЦЕПТЫ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

Получено: 10.02.2023. Рецензировано: 28.02.2023. Принято: 10.03.2023.

Аннотация: В статье разбирается несколько аспектов теории смешанного правления с учетом, что такой феномен современных политических систем, как цезаризм, многим комментаторам (включая Макса Вебера) казался смесью монархии и демократии. Сначала дается анализ известного высказывания Диона Кассия, написавшего в «Римской истории», что Октавиан Август «смешал монархию с демократией». Древнегреческие термины *demokratia* и *monarchia* имели во время написания этой книги (220–230 гг. н. э.) специфическое значение. Но, кроме анализа особенностей самих этих форм правления, важен и разбор специфики того, как они соединены в одном режиме. Статья анализирует различные термины для обозначения разных типов «смешивания» или соединения таких форм правления в одной политической системе. Вкратце, термин *krasis* означал слияние в новое целое, подразумевавшее новое качество и однородность новой смеси, а термин *mixis* предполагал, что различные компоненты смеси могут сохранять свое исходное существование, взаимно влияя друг на друга. Именно вторая концепция смешивания позже дала возможность сформулировать известную теорию сдержек и противовесов внутри политического режима. Потому можно предположить, что Дион, в отличие от других авторов школы Второй софистики, выбирает термин *mixis*, а не *krasis* для акцентирования именно этого аспекта: одна форма правления, с его точки зрения, должна сдерживать и уравновешивать другую, а не приводить к нераздельному слиянию и единству в рамках униформной политической системы. В конце статьи концептуальный словарь Диона тестируется на эффективность его использования и в настоящее время для оценки недавних событий нашей истории.

Ключевые слова: смешанное правление, цезаризм, Дион Кассий, Август, Аристотель о смесях.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-62-127.

*Хархордин Олег Валерьевич, к. полит. н., профессор; Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург), kharkhor@eu.spb.ru, ORCID: 0000-0001-8241-8600.

**© Хархордин, О. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: данная статья — расширенная версия доклада на Шестой общероссийской конференции «Республиканизм: теория, история, практики» (дек. 2022). Автор хотел бы поблагодарить участников конференции, сотрудников и студентов исследовательского центра Res Publica ЕУСПб, а также Семёна Корнеева, Константина Маркова и Бориса Маслова за помощь в работе над трудными деталями текста; Дарью Золотухину — за помощь в организации конференции и в работе с библиографией. Все оставшиеся огрехи данного текста, естественно, не на их совести.

Для политических наук конца XX – начала XXI вв., которые обычно противопоставляют демократию и авторитаризм, вопрос, поставленный в заголовок данного эссе, покажется либо банальным (в Европе есть много конституционных монархий с либерально-демократическим политическим строем), либо странным, если монарху действительно отведена решающая роль в принятии политических решений. Синтез реальной монархии и реальной демократии кажется невозможным, за исключением, пожалуй, одного типа режимов, которые обычно характеризуются как бонапартистские или цезаристские, где авторитарная власть опирается на одобрение широких народных масс, выраженное во время несфальсифицированного голосования во время более-менее свободных выборов (Baehr, 2008; Prutsch, 2020).

По обозначенным выше причинам для образованного российского читателя преклонного возраста, наоборот, такой синтез будет казаться чем-то давно известным, ведь «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Карла Маркса дало классический анализ социальной базы массовой поддержки империи или единоличного правления в случае Наполеона III во Франции. Сам термин «цезаризм» появился в Европе в середине XIX в. и применялся для анализа не только Второй империи Наполеона III, но и политики Бисмарка в Германии, тоже опиравшегося на расширение участия широких народных масс в голосовании, а также серьезно рассматривался еще Шпенглером в его пророчествах о закате Европы. Возрождение интереса к этой тематике в современной англо-американской научной мысли было связано прежде всего с периодом президентства Дональда Трампа, когда многим стало казаться, что цезаризм, а не фашизм является основной реалистичной угрозой для существования современных либеральных демократий. Но и до этого, в начале XXI в., термин использовался для анализа восточно-европейской политики, главным образом в применении к некоторым аспектам правления Орбана в Венгрии, братьев Качиньских в Польше, а также при рассмотрении тенденций режима Эрдогана в Турции.

Модель цезаризма или бонапартизма была тесно связана и с концепцией плебисцитарной демократии Макса Вебера (Illés et al., 2020; Юдин, 2021), поэтому интересно, насколько такое соединение в одном режиме монархии и демократии было понятно уже и в классической политической мысли. Я начну с изложения тезиса Диона Кассия – римского историка III в. н. э., одного из главных теоретиков такой смеси монархии и демократии, далее покажу другие модели смешанного правления, про которые думали и писали авторы на древнегреческом

или латинском языках, и попытаюсь посмотреть их глазами и на XXI в. Вкратце, важен центральный контраст между, с одной стороны, полным слиянием разных форм правления в единой смеси, не делимой на части, и их уравновешенной сбалансированностью, когда каждая из них сохраняет свои отличительные черты и тем самым как дополняет, так и удерживает в приемлемых границах иные, — с другой стороны.

ДИОН О СМЕСИ МОНАРХИИ И ДЕМОКРАТИИ

В одном из самых цитируемых отрывков из «Римской истории» Кассия Диона Коккеяна (Dio Cass. Hist. rom. 56.43.4) написана знаменитая фраза на древнегреческом: как думали многие римляне сразу после смерти Октавиана Августа, этот правитель смешал монархию и демократию — *tēn monarchian tē demokratia mixas*. Вот полный перевод (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 330):

...люди тосковали по нему... потому что он, соединив с монархией демократию, сохранил им свободу, а сверх того дал им порядок и безопасность, так что они, избавленные и от разнузданности, которая присуща демократии, и от глумления, которым сопровождается тирания, жили в условиях разумной свободы и монархии, не внушающей страха, подчинялись монарху, но при этом не были его рабами, пользовались благами демократии, но при этом не погрязли в распрях.

Эта цитата примечательна многим. Дион только один раз прямо говорит о смеси этих двух типов правления. Напротив, в книге 52, например, разворачиваются знаменитые вымышленные дебаты между двумя соратниками Августа — Агриппой и Меценатом — о том, лучше ли Августу вернуться к форме правления под названием *demokratia*, которая существовала в Риме до эпохи гражданских войн I в. до н. э., или остановиться на форме под названием *monarchia*, которая почти что уже сложилась в результате победы Августа над соперниками. Агриппа и Меценат защищают якобы радикально противоположные курсы действия: Агриппа выступает за демократию, Меценат — за монархию. Тем удивительнее сведение этих двух форм правления в одной фразе, как если бы и не было никакого противоречия между Агриппой и Меценатом и возможен был синтез между позициями первого и второго.

Соединение монархии и демократии и греческий термин *mixas* (Август буквально «смешал» их, как пишет Дион) указывают нам на популярную в Античности и Средние века теорию смешанного правления, или смешанной конституции. Греческий историк Полибий, живший

некоторое время в Риме, сформулировал ее в классически систематизированном виде, исходя из строя Спарты и применив эту теорию для описания политического устройства современного ему Рима II в. до н. э. Согласно ему, наиболее устойчивый тип правления — смешанный, так как он собирает в себе элементы трех чистых лучших форм правления: монархии, аристократии и демократии. Дело в том, что каждая форма правления в чистом виде неустойчива и скоро превращается в свою противоположность, если какой-либо народ опирается только на одну такую форму правления. Монархия превращается в тиранию (когда единовластный правитель начинает править не в интересах всех, а в своих собственных), аристократия, правление немногих лучших, — в олигархию (когда эти немногие начинают править не во имя общего блага, а в своих интересах), а демократия вырождается в то, что Полибий назвал охлократией, т. е. властью толпы, которая не правит ради общего блага, а находится под влиянием страстей или сиюминутных эмоций.

В Спарте же, как писал Полибий,

Ликург... установил форму правления не простую и не единообразную, но соединил в ней вместе все преимущества наилучших форм правления, дабы ни одна из них не прививалась сверх меры и через то не извращалась в родственную ей обратную форму, дабы все они сдерживались в проявлении свойств взаимным противодействием и ни одна не тянула бы в свою сторону, не перевешивала бы прочих, дабы таким образом государство неизменно пребывало бы в состоянии равномерного колебания и равновесия, наподобие идущего против ветра корабля (Polyb. Hist. 6.10.6–7; Полибий, Мищенко, 1995: 13).

Царская власть воплощала в себе монархический элемент, герусия (собрание старейшин-геронтов, аналог Сената) — аристократический, а избираемые эфоры — демократический. Они взаимно ограничивали друг друга, и это гарантировало политическую свободу на очень долгое время. В Риме, проинтерпретированном по этой модели, консулы представляли монархический элемент, Сенат — аристократический, а трибуны плебса и народное голосование — демократический.

Сохранение в Риме времен Октавиана Августа только монархических и демократических элементов означало бы тогда усеченную модель смешанного правления, где из трехчастной структуры был бы убран аристократический элемент — Сенат. Подобную интерпретацию, однако, трудно предложить для строк Диона, так как описанная им в 220–230-х гг. н. э. оптимальная структура монархии, изложенная в речи Мецената в 52 книге, опирается на очень значимую роль *ordo senatorius* и придает очень малое значение собраниям народа (плебса) или

другим формам его участия в управлении. Таким образом, для адекватности восприятия строк Диона важно осознавать, что он понимал под терминами *monarchia* и *demokratia*.

ОТ ДЕМОКРАТИИ К МОНАРХИИ ЧЕРЕЗ ДИНАСТИЮ?

Герменевтический анализ двух этих терминов у Диона обычно начинается с указания на строки, которые мы находим в самом начале 52 книги, где эти термины, как считают многие комментаторы, используются для обозначения определенных периодов в истории Рима. Дион в этом месте (Dio Cass. Hist. rom. 52.1.1) говорит, что в течение 725 лет существования Рима, которые он описывает в своих 80 книгах, сменялось несколько форм правления. Сначала было царство (по-древнегречески, на котором он пишет, эта форма называлась *basileia*), потом было народоправство (*demokratia*), потом *dunasteiai* (термин здесь дан во множественном числе; в русском переводе — «во время правления отдельных людей»; я бы перевел это место как «во время могущества сильных»). «После этого римляне вновь начали управляться, по существу, монархически» (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 60–61), — то есть вернули *monarchia*. Комментарии переводчиков (Александра Махлаюка и Константина Маркова) подсказывают, что термином *demokratia* в древнегреческих текстах начиная с IV в. до н. э. обозначался любой тип неединовластного правления — даже олигархическое правление, а не чисто демократическое; в применении к Риму термин использовался для обозначения периода *libera res publica*, т. е. после изгнания царей и до прихода Цезаря или Августа к власти. Термин *monarchia* же использовался Дионом как контрастный по сравнению с тем, что римляне называли на латинском *regnum* — «царством», — т. е. режимом правления *rex*, единовластного правителя (они были в Риме сразу после его основания). Латинский термин *rex* казался настолько одиозным для римлян, что Дион резервирует для обозначения такого правления греческий термин *basileia*, подходящий для древнегреческих басилеев, правивших до эпохи тиранов; другие авторы, писавшие на греческом, использовали этот термин и для эллинистических царств, которые римляне подчинили себе и потому не высоко ценили в политическом отношении. Термином же *monarchia*, как пишут переводчики, у Диона обозначалось то, что историки теперь называют принципатом, сложившимся после принятия Августом на себя титула *princeps senatus* — первого из сенаторов. Для Диона это «легитимная форма правления, при которой сочетаются единовластие

и свобода, а высшие сословия участвуют в управлении государством» (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 60–61, сн. 1 и 3).

Для четкой контекстуализации терминов *monarchia* и *demokratia* надо, однако, понимать, что по-гречески обозначается как эпоха *dunasteia*, которая наступает после эпохи под названием *demokratia* (по-латински она могла бы быть обозначена как период *libera res publica*) и длится до периода принципата, обозначаемого у Диона как *monarchia*. Адам Кемезис изящно показал в своей недавней книге отличия в «модусах повествования» у Диона, который по-разному описывает события, во-первых, от изгнания римских царей и примерно до конца Пунических войн (с конца 500-х гг. до 140-х гг. до н. э.; в это время действующие лица истории изображаются как стремящиеся к общему благу), во-вторых, эпоху гражданских столкновений от времен братьев Гракхов (130-е гг. до н. э.) до соперничества Мария и Суллы, триумvirатов и гражданских войн с участием Цезаря и Августа (это и есть период господства *dunastai*, то есть властных могущественных лидеров, которые, как сказали бы наши современники, пытаются подчинить государственную машину себе на пользу себе и своим воинам; общее благо забыто) и, в-третьих, эпоху *monarchia*, начинающуюся после окончания гражданской войны, в которой Август побеждает Антония, после чего он перестает вести себя как династ и начинает позиционировать себя как восстановитель мира, спокойствия, ищущий общее благо если не для всех, то хотя бы для сословий сенаторов и всадников (Kemezis, 2014)¹.

Кемезис указывает на два очевидных влияния на Диона, который в своем употреблении термина *dunasteia* опирается на труды историка Аппиана, писавшего на греческом про римские гражданские войны примерно за полвека до него (160-е гг. н. э.), и на размышления о возможных формах правления у Аристотеля². У Аппиана при описании периода гражданских войн, начиная с Суллы и Мария и вплоть до

¹Против периодизации *demokratia–dunasteia–monarchia* выступает Линдхолмер, пытающийся доказать, что *dunasteia* — это просто постоянная угроза дисфункции строя республиканского Рима, когда, например, власть народных трибунов становится близка к тиранической или когда военачальники начинают узурпировать данную им только на определенное время власть (Lindhölm, 2018).

²У Аппиана и Диона мог быть общий первоисточник — Плутарх, писавший в жизнеописании Суллы (Plut. Sull. 39.2), например, что перед захватом им власти были сплошные кровавые беспорядки, так как к власти приходил «то один, то другой могущественный властитель (*dunastis*)» (Carsana, 2016: 550–551).

Августа, этот термин используется, когда надо подчеркнуть персональное могущество, т. е. политическую мощь отдельных могущественных полководцев, де-факто почти превращающуюся в единоличную власть, используемую ими для своей выгоды даже в условиях авторитета Сената и номинальной власти избираемых магистратов. Могут быть временные дуумвираты или триумвираты, но суть *dunasteia* от этого не меняется. Дион подчеркивает, что, однако, эти мощь и могущество нестабильны: тяга к почестям и приобретениям со стороны одного супервлятельного лица ведет к зависти других, и временное господство того или иного полководца либо политика оборачивается падением. (Потому-то стабильная *monarchia*, согласно Диону, лучше, чем часто сменяющиеся временные господства могущественных людей, раскалывающие Рим на фракции гражданской войны и приводящие к столкновениям, беспорядкам и льющейся крови.)

Аристотель часто упоминает термин *dunasteia* в «Политике»: для него это одна из форм олигархии, причем худшая. Как *politeia* в узком смысле этого слова (этот термин Аристотель, как мы знаем, использует для обозначения и формы политического устройства вообще, и того, что мы теперь называем демократией, т. е. только одной из этих шести возможных форм) вырождается во власть толпы, так и олигархия превращается в *dunasteia*. Это четвертая, худшая форма олигархии по Аристотелю, когда правит не закон, а очень узкий круг людей, их произвол. В русском переводе это звучит так (Arist. Pol. 1293a30; Аристотель, Доватур, 1983: 500):

Когда же собственность их разрастается до огромных размеров и они приобретают себе массу сторонников, то получается династия, близкая к монархии (*engus he toiaute dunasteia monarchias*), и тогда властителями становятся люди, а не закон — это и есть четвертый вид олигархии...

Так как третья форма олигархии определяется Аристотелем в Arist. Pol. 1293a25 как форма правления, при которой крупных собственников немного и закон требует, чтобы только сыновья таких собственников назначались на основные должности во власти, то кажется, что термин *dunasteia* явно связан с русским термином «династия», и перевод передает это значение³.

³Дион не делает различия между олигархией и династией, как Аристотель: для него и то, и другое — это правление не по законам, а узурпация власти за счет силы (Freyburger-Galland, 1996: 25).

Однако русский термин «династия», указывающий на наследование внутри семьи, не передает всего богатства значений древнегреческого термина *dunasteia*. Это слово означало силу, власть, господство, могущество, угнетательство. В русском языке есть слово «динамо-машина», которое сохраняет отсылку к идее физической мощи или силы, крутящей мотор, — силы, которую древние греки обозначали бы как *dunamis*. С силой-дюнамис связаны и родственные слова: прилагательное *dunatos*, означавшее, во-первых, «физически сильный, крепкий, мощный, могучий», во-вторых, «политически могущественный, влиятельный» (выражение *hoi dunatoi* у Фукидида и Аристотеля значит «власть имущие»)⁴, в-третьих, «умеющий, умелый, искусный, способный» — то есть могущий что-то сделать («могущество» и в русском языке связано со словом «мочь»). Русский словарь древнегреческого языка Дворецкого прописывает отдельное существительное *dunaton*, которое означало, во-первых, «возможность, мощь что-то сделать или смочь» и, во-вторых, «сила, крепость чего-либо»⁵. По указанным причинам, когда в дальнейшем изложении я буду говорить о дюнастии, дюнастах и т. п., этими странными русскими словами я буду передавать все значения древнегреческого термина *dunasteia*, подчеркивая не только династическое наследование в условиях олигархии, но и более важное для классической политической теории значение — мощь, силу немногих власть имущих, гнет, которому они могут подвергнуть город или страну. Когда Дион, например, пишет о Сулле, Помпее или Цезаре как о дюнастах или о дюнастическом поведении членов второго триумvirата (Антоний, Август, Лепид), то он чаще всего имеет в виду не наследование, а могущество, основанное на силе, в пределе — на насилии⁶.

⁴Наверное, иронией истории является тот факт, что футбольный и хоккейный клубы «Динамо» финансировались советской милицией, а само одноименное спортивное общество возникло в 1923 г. по инициативе ГПУ, поддержанной Дзержинским. Название предложил один из основателей, рабочий московского завода «Динамо», когда альтернативные названия — «Сила» и «Чекист» — не прошли. См. Как возникли бело-голубые, 17.01.2023.

⁵Но словарь LSJ рассматривает *to dunaton* как субстантивированное прилагательное, где значение «возможность что-то сделать» привело к значению «сила».

⁶Иногда этот термин означает «власть одного» в смысле латинского *potentia*, как у Тацита говорится про Августа в «Истории» (*Tac. Hist. 1.1.1*): *omnem potentiam ad unum conferte* («всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека») (Тацит, Бобович и др., 1969: 5). Бернд Манувальд и Детлеф Фехнер переводят *dunasteia* как *Gewaltherrschaft*, «деспотизм», или буквально «господство, основанное на насилии», — от немецкого слова *Gewalt*, насилие (Freyburger-Galland, 1996: 25).

Исходя из этого понимания формы правления, существовавшей в Риме I в. до н. э., перед появлением принципата Августа, становится ясно, почему Дион почти что безоговорочно поддерживает установление режима *monarchia* и отказ от якобы циркулировавших идей, что надо бы вернуться к *demokratia*. Мейер Рейнольд в своем постраничном комментарии к книгам 49–52 у Диона приводит семь научных источников, все из которых подтверждают, по его мнению, что к I в. до н. э. термин *demokratia* на древнегреческом оторвался от первого узкого значения «правление граждан, народоправство» и стал применяться для обозначения формы правления, где правят несколько человек, даже если и узко-олигархически. Это противопоставлялось единовластию в форме царства (у Диона это называется *basileia*) или принципата (у Диона — *monarchia*) (Reinhold, 1988: 168). Конечно, если не рассматривать дюнастию как отдельный специальный период в истории Рима (этот период историки обычно называют постепенным разложением римской республиканской системы правления в результате гражданских конфликтов, начиная либо с эпохи Гракхов, либо с диктатуры Суллы), то можно даже сказать, что Рим перешел в конце I в. до н. э. от *demokratia* к *monarchia*, как это утверждает в своей речи Ливия, обращаясь Августу: «...нельзя в столь великой державе без кровопролития заменить народовластие единовластием» (Dio Cass. Hist. rom. 55.21.4; Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 256). С точки зрения периодизации истории здесь имеется в виду, что от системы коллективного правления, которую все же могли иногда подчинять своим интересам отдельные могущественные политики или полководцы, Рим перешел при Августе к чистому единовластию.

Конечно, греческий термин *demokratia* во времена Августа или Диона мог иногда обозначать не все 4 формы коллективного правления сразу (две хорошие — аристократия и полития, и две плохие — олигархия и охлократия), а только одну из шести возможных форм правления (и одновременно одну из четырех вышеупомянутых коллективных форм правления), т. е. «демократию в узком смысле слова», когда правят все. Она отличалась от правления одного (в таком случае существует либо благая монархия, либо дурная тирания) или правления немногих (благая аристократия либо дурная олигархия). Герхард Ж. Д. Аалдерс усматривает указание на демократию в таком узком смысле слова, когда Дион в отрывке, представленном в начале этой статьи (Dio Cass. Hist. rom. 56.43.4.), пишет о «разнузданности, которая присуща демократии», то *demokratikon thrasos* (Aalders, 1986: 298). Это узкое понимание термина;

«демократия» здесь означает, согласно ему, одну из 6 базовых форм власти, систематически описанных Полибием и менее систематически рассмотренных в трудах Аристотеля.

Например, в известном описании смешанного правления Полибий утверждает, что

каждому государственному устройству присуще от природы и соответствует ему то или иное извращение: царству (*basileia*) сопутствует так называемое самодержавие [*monarchikos tropos*; на английский это переведено как *despotism*, несмотря на то что «монархия» чаще всего проходит в классической политической теории как благая форма единовластия в противоположность деспотии или тирании⁷], аристократии (*aristokratia*) — олигархия (*tes oligarchias*), а демократии (*demokratia*) — необузданное господство силы (*cheiokratikos*, англ. *savage rule of violence*) (Polyb. Hist. 6.10.3–4; Полибий, Мищенко, 1995: 12–13; Polyb. Hist.: 317).

Ранее и Аристотель давал классификацию политических режимов, правда, она не состояла из четких шести форм, которые потом выделил Полибий. Например, у Аристотеля тоже есть представления о смеси режимов, хотя в этой смеси соединяются успешно, по его мнению, такие простые или чистые формы режимов, как олигархия, аристократия и демократия. Так, в Arist. Pol. 1273b35–40 он пишет (Аристотель, Доватур, 1983: 440; перевод подправлен):

Солона же некоторые считают превосходным законодателем: он упразднил крайнюю олигархию, положил конец рабству простого народа и установил демократию предков / отцов (*demokratian ten patrion*), удачно смешав (*meixanta*) элементы разных государственных устройств; ареопаг представляет олигархический (*oligarchikon*) элемент, замещение должностей посредством избрания — элемент аристократический (*aristokratikon*), а народный суд — демократический (*demotikon*).

Аалдерс подсказывает нам, однако, что Дион не всегда последователен в своем употреблении термина *demokratia*, да и сам вряд ли это замечает. Соответственно, иногда в интерпретации его утверждений трудно с абсолютной уверенностью сказать, имеет ли он в виду демократию в узком смысле слова, т. е. как одну из 6 возможных форм

⁷Здесь и далее в цитируемых фрагментах в квадратных скобках представлены комментарии автора (прим. ред.).

правления, или следует устоявшемуся в его время приравнению *demokratia* к *libera res publica* (Aalders, 1986: 298)⁸. Трудно интерпретировать, например, знаменитый отрывок из Диона, где в Dio Cass. Hist. rom. 44.2.1 говорится об убийстве Цезаря и упоминается, что его убийцы представили себя как освободителей народа, а на самом деле устроили нечестивый заговор, который снова вверг Рим в эпоху гражданских войн после периода недолгой гармонии. Дион пишет (Dio Cassius, Cary and Foster, 1916: 310–311):

Demokratia имеет благозвучное имя, и кажется, что при ней всем равно суждено быть под одними законами (*tes isonomias*), но на деле она совсем не соответствует своему названию. Monarchia же, наоборот, имеет неприятное звучание, но это наиболее практичная из форм правления, при которой можно жить.

В Dio Cass. Hist. rom. 44.2.3–5 он продолжает (*ibid.*):

Дело в том, что найти одного добродетельного человека на пост правителя гораздо легче, чем воспитывать добродетель в массе людей. И даже если порочный человек оказывается у власти, то это лучше, чем когда к власти приходит масса порочных людей. По этой причине заметные успехи происходят при *basileia* чаще, чем при правлении народа, а неудачи или неустраения — реже при *monarchia*, чем при режимах, когда властвует толпа (*ochlokratiais*). А если и были цветущие демократии (*demokratia tis ênthēsen*), то это ненадолго. Так как дерзость, рождающаяся из благосостояния, и зависть (*phthonos*), появляющаяся как реакция на тягу к почестям (*philotimia*), губят политические сообщества. Сдержанно и разумно управлять таким большим и богатым скоплением людей, как Рим, невозможно при демократии (*en demokratia*), поэтому Брут и Кассий, если бы понимали это, не решились бы на убийство.

Я привел подробно этот фрагмент текста как подтверждение тезиса Аалдерса о том, что Дион не всегда четко разводит употребление термина *demokratia* в узком смысле (как одна из шести возможных форм правления) и в широком смысле (как общий термин для четырех форм коллективного правления, синоним лат. *libera res publica*). Однако этот отрывок важен и для понимания деталей аргументации Диона в защиту преимуществ *monarchia* по сравнению с *demokratia*. Как мы знаем, в 52 книге Диона такая позиция открыто приписывается Меценату в его споре с Агриппой (последний советует Августу в начале книги вернуть Рим

⁸Второе понимание ведет к тому, что термин *demokratikos* обозначает в то время «республиканский», что близко к нашему современному пониманию этого слова — связанный с коллективным антимонархическим, а не единовластным правлением (Aalders, 1986: 297).

к правлению в форме *demokratia*, причем повторяет многие прописные истины на эту тему из греческих философов 4–3 вв. до н. э.).

Один из принципиальных аргументов Мецената содержится в Dio Cass. Hist. rom. 52.16.1–2 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 75):

До тех пор пока нас было немного и между нами и нашими соседями не было существенных различий, мы прекрасно справлялись с государственным управлением и покорили почти всю Италию. Но после того, как мы вышли за ее пределы... ничего великого больше не выпадало на нашу долю. Однако сначала у себя дома, в пределах городских стен, мы стали восставать друг на друга, разделившись на [враждующие] сообщества, а затем принесли это зло и в легионы.

Корабль остался без кормчего, — увещает Меценат Августа, — и не время тебе бросать кормило правления. Комментаторы считают, что аргументы Диона во многом вторят политическому реализму Фукидида и его низкой оценке человеческой природы. Большой размер территории под римским контролем, неслыханные военные успехи и рост благосостояния приводит к тому, что тяга к наживе затмевает у многих все остальное, но (и это еще страшнее) любовь к почестям ведет к тому, что амбициозное поведение лидеров порождает resentment. Это понятная реакция, и она вызывается на деле, когда пытаются ограничить зарвавшихся лидеров и нанести им урон. Получается соревнование между мощными лидерами, ведущее к войне; в результате — полная нестабильность (Markov, 2013: 225, esp. fn. 53). Смена властных и могущественных лидеров, *dunasteia*, — вот к чему приводит Рим низменная человеческая природа. И спасти от этого соревнования могущественных политиков, каждый из которых готов прибегнуть к насилию, чтобы добиться своей цели, может только *monarchia* — под ней Дион понимает принципат Августа. Ни один дюнаст не гарантирует стабильности в такой ситуации, он могуществен на короткое время, на год-два-три, пока не соберутся или не наберутся силы его скинуть.

Monarchia потому и лучше, согласно Диону, что она гарантирует стабильность и благосостояние. Но с точки зрения сословия сенаторов у нее есть еще и другое преимущество, излагаемое Дионом в речи Мецената, в которой приводятся рецепты, как улучшить монархическое правление за счет более активной опоры на сенаторов. Комментаторы замечают, что Дион имеет в виду систему, где существует не просто равенство всех перед законом и избрание магистратов по жребию, а геометрическое равенство, т. е. каждому устанавливается роль *kat'axian* пропорционально

его или ее достоинству или по заслугам. Интерпретировать геометрическое равенство можно в стиле знаменитой надгробной речи Перикла у Фукидида: каждый, даже бедняк, может снискать себе славу делами на благо полиса, и чем сиятельнее дела, тем больше слава и занимаемые посты. Но текст Диона, в котором постоянно подчеркивается, что надо опираться только на лучших людей — либо на равных принцепсу по достоинству (*homotimoi*), либо стоящих немного ниже на лестнице почета и знатности, — показывает, что геометрическое равенство понимается не в греческо-полисном смысле, а в римском смысле как наделение магистратов постами в соответствии со знатностью рода (у Цицерона в *De re publica* 1.43 находим это в виде идеи *gradus dignitatis*)⁹. Роль народа здесь минимальна: Мecenат советует Августу ограничить свободу или дерзость толпы (*Dio Cass. Hist. rom.* 52.14.3–5), и тогда

дела будут вестись в наилучшем порядке, без вынесения их на народное собрание, без открытого обсуждения и без участия противоборствующих группировок, а стало быть, не подвергнутся они опасности из-за честолюбивого (*philotimias*) соперничества (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 75).

Комментарии к планам Диона по более обширному вовлечению сенаторов в управление Римом в основном указывают на то, что он пытался повысить роль senatorского сословия в условиях принципата Северов (220–30 гг. н. э.). Однако на то, насколько предлагавшиеся им реформы действительно бы этому способствовали, взгляды расходятся. С одной стороны, многие подчеркивают, что все решает в конце концов принцепс, а роль сенаторов в основном ритуальна. Так, Фергюс Миллар в ставшей уже классической работе по Диону так оценил роль сенаторов в ранней империи времени Северов (Millar, 1964: 107):

С основанием империи римские высшие классы фактически пожертвовали своей властью принимать политические решения в обмен на поддержание видимости их достоинства и положения в государстве.

Рейнольд в своей книге о годах перехода к принципату подчеркивает, что уже начиная с Тиберия, наследника Октавиана Августа, голосование

⁹ «...Когда все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство это не справедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении (*nullos gradus dignitatis*)» (Цицерон Марк Туллий, 1966: 22). В Bellissime, 2016: 537 эта концепция также отмечается в цicerоновской речи *Pro Mureno* и в трудах Тита Ливия. Про контраст греческого понятия *axia* и римского понятия *dignitas* см. Маслов, 2019.

комиций стало ритуальным: выборы магистратов теперь происходили в Сенате, где принцепсы предлагали устраивающие их кандидатуры или выставляли себя в качестве кандидатов, комиции же ритуально собирались для одобрения (аккламации) назначенных кандидатов и оглашения результатов этих «выборов». Сенаторы не противоречили принцепсам, а когда занимали магистратуры, то это показывало их статус внутри сенаторского сословия и доказывало, что *pro forma* существует признание традиционной роли сенаторов, хотя это и не дает им почти что никакой реальной власти. Обязанности высших магистратур, таких как консул и претор, теперь предполагали прежде всего устройство традиционных игр и праздников, а из серьезных дел за ними оставалось участие в апелляционных судах, правда, после Марка Аврелия (правил в 161–180 гг. н. э.) — уже даже и не по преступлениям, караемым смертной казнью (Reinhold, 1988: 186, 190).

Клиффорд Андо рисует наиболее мрачную картину сохранения внешней значимости роли сенаторов, когда основная часть властных полномочий де-факто перешла в руки принцепсов. С одной стороны, сенаторы признавали в отношении императоров — по крайней мере на публике — только те формы превосходства или величия, которые предполагались и ограничивались существующей структурой власти. Так, на римских памятниках, дошедших до нас, надписи утверждают, что император лишь первый среди равных, он слуга народа и сенаторы — не его подданные, а друзья. Речь Мецената в 52 книге о том, как принцепсу надлежит править Римом, потому содержит много советов о поддержании этого внешнего флера уважения к Сенату. Вот семь главных советов:

- (1) Принцепс якобы должен смотреть на аспекты поступков и дел сенаторов, на их достижения, а не только на названия, титулы, посты;
- (2) Лучшие и наиболее знатные должны получать римские знаки почета и признания;
- (3) Принцепс должен подчеркивать, что в системе существующей власти Сенат имеет господство во всем;
- (4) Принцепс должен признать, что знатных людей должны судить равные им; кроме признания за ними достоинства, это и полезно: аристократы будут сами надзирать за собой, а наказания, выносимые судьями, равными тебе, — это гарантия их лояльности;
- (5) Принцепс должен на словах поддерживать свободу слова как можно больше, только тогда таланты знати проявятся;

- (6) Надо помнить, что по ближним императора судят о нем, поэтому он должен контролировать своих фаворитов;
- (7) Принцепс должен помнить, что он все время на сцене, а мир — его аудитория.

Только на таких условиях Август может иметь все плюсы царской власти (лат. *regnum* или греч. *basileia*) без осуждения, которое титул царя имеет среди латинян, как пишет Дион в *Dio Cass. Hist. rom.* 52.40.2 (Ando, 2016: 470).

Конечно, император не демократ, а лишь ведет себя цивилизно и обходительно — все эти коннотации содержит термин *demotikotatos*, который Дион употребляет, когда, например, он пишет в .3]DioCassiusInvol о нравящемся ему императоре Пертинаксе, что тот вел себя очень демократично (Кассий Дион, Махалюк и др., 2011: 213). Стилизованное поведение принцепса и сенаторов скрывает власть императора — в доказательство этого утверждения Андо приводит несколько примеров. Во-первых, при одобрении нового императора Сенатом редко бывали заминки: новую кандидатуру всегда одобряли, даже если потом его могли проклясть, признать врагом Рима и свергнуть. Во-вторых, в отношениях с внешними державами император якобы действует от имени и по поручению Сената, но при изменении позиции императора быстро происходит и перемена во мнении Сената. В-третьих, императоры могут наградить сенатора такими почестями, как разрешение воздвигнуть в честь него публичную статую, но в ответ монополией Сената является проведение ритуалов благодарения императора или наделение его почетными титулами за военные победы.

Сенат настолько бесправен, что временами эти вежливые тонкости публичного поведения принцепса и сенаторов по отношению друг к другу кажутся излишними, как замечает Андо. Особенно когда понимаешь, что сенаторы молчат, даже если не согласны с принцепсом, ведь они сидят в Сенате порознь и их легко репрессировать поодиночке. А народная масса, стоящая толпой на ипподроме или площади, не имеет имен, и потому им легче выражать свое возможное отрицательное мнение по поводу происходящего (Ando, 2016: 576–577).

Есть и вторая важная точка зрения на реформы принципата, предлагаемые Дионом. Многие считают, что стилизация поведения сенаторов и принцепса — это, конечно, понятная сторона традиционного ритуала. Однако без активного участия, если не действенного контроля сенаторов над имплементацией имперской политики, как она описывается в конкретных деталях Дионом, императору было бы крайне трудно

достичь своих целей. Во-первых, еще в работе Фергюса Миллара подчеркивалось, что главное в речи Мецената — не пожелание, как себя вести императору (ведь современники Диона писали в основном про это), а набросок серьезной институциональной реформы (Millar, 1964: 118). Константин Марков, например, опирается в этой оценке на давнюю статью Александра Смышляева, который писал, что под видом утверждений о неограниченной власти принцепса Дион делал его заложником сословия сенаторов, уничтожая привилегии муниципальных элит или других сословий и передавая подобные функции или контроль над ними Сенату. Таким образом, по мнению Маркова,

император не смог бы уже найти надежную опору в лице муниципальной аристократии и всадников и, кроме того, утратил бы такие важные инструменты абсолютной власти, как императорский культ и обширные императорские земельные владения (Марков, 2013: 67).

По этой причине, наверное, неслучайно, что у Диона Август изображается не по модели богоподобного лидера, который не может быть равен своим подданным по определению — а именно этот образ мы находим, например, в панегириках Диона Хризостома или Плиния Младшего. Август, как и его соратник Агриппа (см. Dio Cass. Hist. rom. 54.29.3), как и недолго правивший в 193 г. н. э. Пертинакс, — *demotikotatos*, демократичен. Принцепс не просто обходителен в обращении с сенаторами и не только внешне ведет себя, как если бы опирался на сенаторов, но он и не может себя вести иначе, ведь большой объем власти в результате реформ, предлагаемых Дионом, передается сенаторам.

Независимо от того, кто прав — те, кто утверждает, что реформа Диона вводит бесправный Сенат, исполняющий чисто ритуализованные функции, или те, кто, наоборот, убежден, что она делает принцепса заложником сенаторов, без которых он не сможет проводить свою политику, — надо понимать, что Дион — сторонник системы правления, которая обозначается им либо как *monarchia*, либо как смесь *monarchia* и *demokratia*. *Demokratia* сама по себе в чистом виде, конечно, лучше, чем *dunasteia* (когда политика города или страны на время подчинена могущественным силам, которые используют угрозу насилия для достижения своих целей и реализации своих амбиций). Она лучше и чем *basileia* — царская власть, которая существовала на заре Рима или в эллинистических царствах. Но сама по себе *demokratia* при разрастании политического сообщества ведет к дисфункциям, ведь опасные войны

и гражданские распри — очевидное для Диона следствие строя под названием *demokratia*, «ибо там люди наиболее могущественные, стремясь к высшим постам и подкупая наиболее бедных, переворачивают все вверх дном» (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 75)¹⁰.

Говоря нашим современным языком, часто хочется спросить: почему Дион такой монархист? Йеспер Мадсен объясняет это чисто историческим контекстом написания книги. Согласно ему, в начале III в. н. э.

политика во многих отношениях не была непохожа на политику времен донатов в поздней Республике, когда люди во власти и с военными ресурсами заменили государство и сражались друг с другом и Сенатом, чтобы захватить верховенство для реализации своих амбиций (Madsen, 2022: 97).

В мятежах и гражданских войнах конца II в. н. э. сначала был убит преторианской гвардией император Пертинакс, потом — смещен император Дидий Юлиан (правивший несколько месяцев в 193 г., после того как он купил (!) трон у преторианской гвардии), а потом легионы Септимия Севера сражались в 193–194 гг. с легионами Песценния Нигера, а позже (в 196–197 гг.) — с легионами Клодия Альбина (Септимий выиграл, стал императором и основал династию Северов). Во времена Северов вернулись политические преследования в Сенате. Мы знаем, что, когда Диону было около 50 лет, у него все еще росли волосы на голове, потому что во время одного из заседаний Сената Септимий огласил обвинение в заговоре против принцепса и добавил, что среди заговорщиков был лысый сенатор. Дион в ужасе потрогал свою голову рукой и с радостью обнаружил, что не попадает под это описание. Одного из лысых сенаторов сразу после этого стража Септимия вывела из здания Сената, несмотря на его возгласы о том, что он невиновен, и отрубила ему голову (Dio Cass. Hist. rom. 77.8.2–5; Кассий Дион, Махалюк и др., 2011: 268–269).

Если вспомнить определение Фергюса Миллара (донастия — это когда один или несколько лидеров партий гражданской войны держит всю власть в Риме неконституционным путем (Millar, 1964: 74)), то для Диона *monarchia* в стиле Августа должна была выглядеть как избавление от таких донастических напастей. Август становится для Диона почти что идеальной фигурой, прекратившей череду гражданских беспорядков и войн. Он изображается после присвоения себе титула

¹⁰52.15.5. Греч. термин *dunatoteroi* (те, кто сильнее; наиболее сильные, могущественные) показывает, что у *demokratia* есть всегда потенциал свалиться в состояние *dunasteia*.

princeps senatus (первый из сенаторов) как добродетельный правитель, опиравшийся — хотя бы внешне — на Сенат, и как формалист-законник, строго следовавший традициям Рима, ведь он сохранял все обычаи и систему магистратов эпохи, которую мы обычно называем «Римской республикой времен Катона и Цицерона», если это не вело к утере его власти. Август изображается как избавивший Рим от гражданских войн и смут, т. е. от лихих 40-х гг. до н. э. (когда Цезарь вел гражданскую войну с Помпеем, захватил власть, был убит, и на повестке дня снова встала гражданская война). Вернее, для Диона фигура Августа была, наверное, главным вариантом спасения от более актуальных для него лихих 190-х гг. н. э.

По сравнению с Тацитом, например, который рисовал в «Анналах» образ Августа с гораздо более критической точки зрения, Дион возмечивает его как наименьшее из зол. Тацит видел окончание династии Флавиев и жил во время, когда после тиранического Домициана на смену этой династии пришел принцепс Нерва, выбранный Сенатом, а позже — Траян, который был избран Нервой из наиболее талантливых и потому пользовавшихся заслуженным признанием представителей сенаторского сословия (Madsen, 2022: 97)¹¹. Тацит, несмотря на то что он критиковал Августа и его наследника Тиберия, писал в «Жизнеописании Юлия Агриколы» о веке, в котором он жил (Тацит, Бобович и др., 1969: 328):

...наконец мы приходим в себя; и хотя Цезарь Нерва в самом начале нынешней благословенной поры совокупил вместе вещи, дотоле несовместимые, — принципат и свободу (principatum ac libertatem), а Траян Нерва что ни день приумножает счастье нашего времени и установление общественного правопорядка

— следы разложения нравов, проявлением которых был век Домициана, все еще остаются. То есть у Тацита в тот момент еще могла быть надежда на лучший строй принципата, чем при Августе. Для Диона же монархическое правление Августа, даже если идеализированное, представляется как общая модель спасения от передрыг, смут и гражданских потрясений, включая смуты и опасности жизни 190–220-х гг., т. е. эпохи Северов.

¹¹ Потому Нерва и Траян начинают череду «пяти благих императоров», как их традиционно называют историки.

В комментариях к Диону Рейнольд указывает на эту параллель с Тацитом и пишет, что для первого греч. термин *monarchia* выступает синонимом лат. *principatus*,

т. е. конституционного правления одного человека вместе с классом сенаторов как лучших (греч. *aristoi*) — правления, сочетающего *eleutheria* и *monarchia* (в терминологии Тацита *libertas ac principatus*) (Reinhold, 1988: 170).

В отрывке из Диона, с которого мы начали эту статью (Dio Cass. Hist. rom. 56.43.4), говорится о том, что при Августе римляне стали жить «в условиях разумной свободы и монархии, не внушающей страха», по-гречески — *en te eleutheria sophroni kai en monarchia adeei*. Рейнольд поэтому настаивает, что речи Агриппы и Мecenата, якобы противостоящие друг другу, должны рассматриваться как единое целое¹²; это аутентичная позиция Диона: он хотел соединить свободу строя под названием *demokratia* с порядком и стабильностью строя под названием *monarchia* в одном режиме. Питер Майкл Суон в комментарии к этому отрывку замечает, что фраза о смеси монархии и демократии написана «явно под влиянием Фукидида» и высокая риторика торжественной похвалы здесь напоминает надгробную речь Перикла (Thuc. 2.40.1) в «Истории Пелопоннесской войны». Он добавляет (Swan, 2004: 348):

Миллар думал, что соединение *monarchia* и *demokratia* в одном режиме — это точка зрения самого Диона. Манувальд же считает, что это цитата из общего для Диона с Тацитом первоисточника, написанного кем-то в I в. н. э., так как в тексте есть отсылка к тому, что, римляне так думали о достижениях Августа, поэтому они тосковали. Проходит и дискуссия о том, приводились ли в этом общем для Тацита и Диона первоисточнике и позитивные, и негативные оценки Августа, как у Тацита, или только позитивные, как у Диона, а Тацит самостоятельно добавил негативную.

Но, каков бы ни был исход этой дискуссии, *monarchia* для Диона (и иногда для Тацита) совместима со свободой.

Именно так, наверное, и надо понимать слова Диона в книге 52, когда Мecenат говорит, что «истинная демократия» (*demokratia he alethes*) достижима при монархии. Если принять точку зрения таких комментаторов, как Эспиноза-Руис или Рейнольд (выше), согласно которой позиции Агриппы и Мecenата можно назвать взаимодополняющими (на этом настаивает и Carsana, 2016: 545–546), поскольку они описывают,

¹²Рейнольд здесь повторяет точку зрения, впервые обоснованную в Espinosa Ruiz, 1982.

как смешать *demokratia* и *monarchia*, то становится ясно: «истинная демократия» возможна только в условиях принципата, когда суверен гарантирует безопасность и стабильность и расставляет всех по местам в соответствии с достоинством и способностями. Как пишет Дион, принцепс должен поручить

управление государством себе и другим лучшим людям. Тогда в сенате заседали бы наиболее разумные, командовали бы войсками наиболее искусные в военном деле, а несли воинскую службу и получали за это жалованье самые крепкие и самые бедные. Таким образом, каждый будет охотно исполнять то, что выпало на его долю, с готовностью оказывая помощь другим, и никто не будет испытывать унижения при сравнении своей участи с долей других, и все обретут *истинную демократию* (курсив мой. — О. Х.) и безопасную свободу. Ибо пресловутая свобода толпы оборачивается самым тяжким рабством для наилучших людей и несет общую гибель и первой, и этим последним, в то время как та свобода, которая везде превыше всего ставит благоразумие и обеспечивает всем равенство в соответствии с достоинством, всех ею пользующихся делает одинаково счастливыми (Dio Cass. Hist. rom. 52.14.3–5; Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 74).

Demokratia he alethes противопоставляется *akribei demokratia*, «подлинно республиканскому строю», т. е. республике в узком смысле слова, которая была в Риме времен Цицерона. Именно с апелляцией к тем временам Август в 28 г. до н. э. был поименован «первоприсутствующим в сенате», греч. *prokritos tes gerousias*, лат. *princeps senatus* (Dio Cass. Hist. rom. 53.1.3; там же: 112). Узко и четко определяемая *demokratia* существовала сама по себе, без смеси, и тот период жизни Рима не связан с демократией «истинной», которая случилась от смеси ее с *monarchia*, принесшей стабильность и конец гражданских смут. Суверенная *demokratia* времен принципата отличается по своей истине, т. е. по существу, от политического режима Рима при Катоне и Цицероне.

В обзоре основных историографических споров по поводу позиции Диона Константин Марков пишет, что восхваляемая Дионом смесь *monarchia* и *demokratia* при ближайшем рассмотрении оказывается смесью монархии и аристократии (Markov, 2022: 126). Можно добавить: в неидеальном случае это смесь монархии и олигархии; но это не смесь монархии и демократии в современном смысле этих терминов. Действительно, что осталось от власти народа в принципате? С одной стороны, те, кто считает его монархией, лишь для видимости использующей терминологию республиканского Рима, указывают на то, что народные трибуны утратили власть, а реальная *tribunicia potestas* перешла

императору. Комиции не голосуют, а покорно утверждают результаты голосования в Сенате, который выбирает магистратов по указке императора из названных им кандидатов. Последний раз плебс пытался провести своего кандидата в консулы во время Августа, когда эдил (помощник народного трибуна) Марк Эгнаций Руф, пользовавшийся большой популярностью среди плебса, так как он создал постоянные пожарные команды, был казнен за нарушение порядка выборов по *senatus consultum ultimum* в 19 г. до н. э. Его обвинили в заговоре (Dio Cass. Hist. rom. 53.24.4–5, 54.15.4; Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 145, 182; Hollard, 2015).

Демократию в современном понимании — как власть народа, а не монарха — все же при желании современный читатель может вчитать и в Диона. Марков замечает: когда Дион упоминает в Dio Cass. Hist. rom. 53.1 8.1, что императоры

присвоили себе и еще одно преимущество, какое вообще открыто не предоставлялось никому из древних римлян... они ведь были, по латинскому выражению, «свободны от законов» — это значит, что они не связаны никаким правовым принуждением (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 137),

то это напоминает цитату в «Дигестах» Юстиниана из «Комментариев к закону Юлия и Паппия» римского юриста Павла, в которой он выдвинул знаменитое положение: *princeps legibus solutus est*, т. е. принцепс свободен от соблюдения законов (DI. 1.3.31). Согласно же современнику Диона юристу Ульпиану,

то, что решил принцепс, имеет силу закона, так как народ посредством царского закона, принятого по поводу высшей власти (*de imperio*) принцепса, предоставил принцепсу всю свою высшую власть и мощь (*populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat*) (DI. 1.4.1pr.; цит. по: Марков, 2013: 66).

Ульпиан понимает это как следствие того, что принцепсы получили всю полноту власти за счет передачи ее народом одному человеку в результате *lex de imperio*. По этой причине номинально всегда предполагалось, что власть принцепса основывается на делегировании ему своей власти народом.

В эпоху империи вместо собраний или голосований комиций более важным органом стал военный *contio* (слово происходит от лат. *conventio*, «сходка»). Если на гражданском *contio* во времена принципата император или его высшие магистраты могли собирать народ, чтобы

оповестить его о важных решениях, то военные *contiones* стали важным местом для того, чтобы представлять будущих императоров армии, и для аккламации (возгласов одобрения) их. Как пишут комментаторы, «большинство императоров пытались наладить хорошие отношения с солдатами посредством *contiones*, так как поддержка последних стала существенным фактором в правлении первых» (Pina Polo, 1995: 214)¹³.

Например, Гальба в 69 г. н. э. представил своего наследника Пизона солдатам ровно на такой сходке и, к несчастью, для него неудачно: через 6 дней мятежники изрубили Гальбу на куски («Гальба» гл. 17 — Светоний, Гаспаров, 1993: 175). Похожие размышления дали возможность Энтони Калделлису в его концепции византийской республики прийти к выводу, что начиная с IV века н. э. и вплоть до XIII века народ не играл в политике Нового Рима, т. е. Византии, роли пассивного агента, навсегда передавшего власть императору. Аккламации на ипподроме, во дворце или в армии были важной процедурой признания права данного императора на правление, и Калделлис даже цитирует Диона как человека, который написал о смеси монархии и демократии именно в современном смысле этих слов (Kaldellis, 2015: 29)¹⁴. Вспомним замечание Андо о том, что только народу легко подать голос, так как масса на ипподроме или собрании легиона часто безымянна; а сенаторы сидят отдельно по своим местам в Сенате, и потому их легко выделить как личностей, вывести из Сената и наказать. Соответственно, именно плебс, или толпа, или армия легко становятся тем местом, где коллективное выкликание *Axios!* (греч. «Достоин!») возводило за счет этой аккламации (одобрительного провозглашения или оглашения) на престол в Византии или, наоборот, сводило с престола криком-оглашением *Anaxios!* («Недостоин!»).

СМЕШАННОЕ ПРАВЛЕНИЕ: ЧТО И КАК СМЕШИВАТЬ?

В предыдущем разделе статьи было показано, насколько хорошо историки и филологи изучили как текст Диона, так и контекст его написания. В известной краткой формулировке *tēn monarchian tē demokratia mixas* (Dio Cass. Hist. rom. 56.43.4) тщательно изучены термины для обозначения форм правления и даны почти что все возможные

¹³О роли *contio*, которые собирали народные трибуны внутри Рима, чтобы оказать поддержку Цезарю перед началом гражданской войны 49 г. до н. э., см. Morstein-Marx, 2021: 276, 316.

¹⁴Калделлис удачно, по-моему, интерпретировал *д*ионастов с помощью английского термина *warlords*, «полевые командиры».

интерпретации значения этих терминов. (Я не останавливался на тех комментаторах, которые считают, что, по мнению Диона, принцепс в Риме должен установить демократию в современном смысле слова или восстановить тот политический строй, который по-гречески в I–III вв. н. э. чаще всего обозначался как *demokratia*, т. е. режим *libera res publica* времен Катона и Цицерона. Большинство историков и филологов считают эти интерпретации слабо обоснованными, поскольку они в меньшей степени опираются на доступные тексты и факты.) Но, исследуя значение терминов для обозначения форм правления в этой знаменитой формулировке Диона из *Dio Cass. Hist. rom.* 56.43.4, не забыли ли ученые о третьем важном термине, входящем в нее? Как в известной детской загадке, ответом на «А и Б сидели на трубе; А упало, Б пропало, кто остался на трубе?» должно стать внимание к связке, но в нашем случае не к союзу «и», отсутствующему во фрагменте, а к слову, которое связывает во фразе Диона две упоминаемые формы правления, — т. е. к *mixas*, аористному причастию, которое наиболее удобно переводится русским деепричастием «смешав». Оно происходит от глагола, который можно найти в словарях в форме *mignumi* или в инфинитиве *mignunai*.

Историю представлений в классической политической теории о смешивании форм правления кратко систематизировал и изложил Джеймс Блайт (Blythe, 1992). Хотя при желании можно увидеть изображение смешанного правления уже у Гомера, Платон стал первым автором из обычного канона истории политических учений, который дал классические формулировки о смешении 3 форм правления, когда правят один (монархия), немногие лучшие (аристократия) и все (демократия). Конечно, основной политический труд Платона посвящен поиску идеального устройства для политического сообщества, но после своего опыта попыток просвещения единовластного правителя Сиракуз он, возможно, понял, что надо соглашаться на реалистичные проекты политического устройства, поэтому в «Законах» Спарта приводится как хороший пример правления, так как она долгосрочно устойчива за счет смешения трех его форм. Афинянин говорит лакедемоняну Клинию в третьей книге «Законов» (Pl. Leg. 691e–692a; Платон, Егунов, 1994: 143):

Некий бог, провидящий будущее, заботился о вас. Он сделал более умеренной царскую власть, установив вместо одного двойной царский род. Затем некая человеческая природа, соединившись (греч. *temeigmene*, букв. «смешавшаяся») с какой-то божественной силой (греч. *dupamei*), поняла, что вашу

власть все еще лихорадит, и соединила (греч. *meignusin*, букв. «смешивает») рассудительную мощь старости с гордой силой происхождения, установив в важнейших делах равнозначность власти двадцати восьми старейшин (*geronton*) и царской власти (*ton basileon dunamei*). Третий же спаситель вашего государства, видя, что его все еще обуревают страсти, как бы узду набросил на него в виде власти эфоров (греч. *ton ephoron dunamin*), близкой к выборной власти. Потому-то у вас царская власть, возникнув из смеси (греч. *summeiktos*, букв. «смешанная», прилагательное от глагола *mignumi*, в англ. переводе — *commingled*, *compounded*) надлежащих частей, была умеренной и, сохранившись сама, оказалась спасительной и для других.

Три формы правления — монархическая, аристократическая (герусия, собрание геронтов-старейшин) и демократическая (эфоры) — дали Спарте прекрасную смесь элементов, сделав это правление устойчивым по отношению к внутренним беспорядкам и способным отразить внешние нападения, например, персов. Платон, однако, не отметил эту смесь форм правления, получившуюся в Лакедемонне, как образец для повторения во всех политических сообществах или даже как основу для своей классификации политических систем. Почти сразу же после похвалы Спарте он утверждает, что устанавливать мощные несмешанные формы правления (греч. *ameiktous*) — ошибка (Pl. Leg. 693b), но потом он говорит следующее про общую схему структуры устройства политических сообществ (Pl. Leg. 693d; Платон, Егунов, 1994: 145):

Есть два как бы материнских вида государственного устройства, от которых, можно сказать по праву, родились остальные. Было бы правильно указать на монархию (*monarchian*) как на первый из них и на демократию (*demokratian*) как на второй. Монархия достигла высшего развития у персов, демократия — у нас. Почти все остальные виды государственного устройства, как я сказал, представляют собой пестрые соединения этих двух. Чтобы существовала свобода и дружба в соединении с разумностью, неизбежно надо быть причастным и к тому и к другому виду.

Блайт замечает, что Платон забывает об аристократическом элементе, утверждая, что при проектировании законодательства надо смешивать только монархию и демократию. Правда, по мнению Блайта, Платона интересуют в основном только 2 формы: монархия, как носитель власти или авторитета, и демократия, как носитель тяги народа к свободе, поскольку важно уравновесить власть и свободу. Аристократия потому не так важна, ее можно не учитывать в анализе — важно, чтобы «ни власть одной группы людей, ни распущенность другой не смогли бесконтрольно развиваться» (Blythe, 1992: 17).

Но можно предположить, что про аристократический элемент Платон не забывает, когда говорит не об абстрактных схемах, а о конкретных примерах существовавших государств. Так, он учитывает, согласно Блайту, неформальный аристократический элемент в смеси, характерной для устройства старой Персии (Pl. Leg. 694a–b; Платон, Егунов, 1994: 145–146):

Персы при Кире держались середины между рабством и свободой и стали сначала свободными сами, а затем — господами над многими другими. Но, будучи правителями, они уделяли подчиненным долю в свободе и относились к ним как к равным, так что воины были в большой дружбе с военачальниками и охотно шли навстречу опасности. Если кто из них был разумен и мог подать совет, царь не завидовал, но позволял быть откровенным и ценил тех, кто мог быть советчиком; он давал им возможность публично проявлять свою разумность, и потому в ту пору персам все удавалось благодаря свободе, дружбе и обмену мнениями.

Получается, что допускать в аристократический совет при монархе воинов, способных высказать ценное предложение разумно и правдиво, — залог успеха персидской системы правления при Кире.

Аристотель, теория которого безусловно превалировала в западно-европейской средневековой политической мысли, после того как «Политика» была переведена на латинский Вильямом Мёрбеке в 1251 г. и к ней были написаны комментарии Фомой Аквинским (а трактаты Полибия на греческом или *De re publica* Цицерона были недоступны), конечно, был авторитетом и для таких римских авторов I–III вв. н. э., пишущих на греческом, как Дион. Однако Аристотель предлагает достаточно запутанную теорию смешанного правления¹⁵. Блайт отмечает, что, кроме одного очевидного затруднения (Аристотель использовал термин «полития», греч. *Politeia*, для того чтобы называть как форму правления вообще, так и одну из шести этих возможных форм правле-

¹⁵Есть давний спор о том, насколько «Политика» является склейкой двух текстов, где первый был написан под явным влиянием Платона в поиске лучшего государственного устройства, а второй, более поздний, опирался на эмпирический анализ существующих форм правления. Отсюда, возможно, берется и несистематичность изложения в том, что теперь представляется нам единой книгой. Но причины непоследовательности могут быть и другими. Аласдэр Макинтайр вообще как-то остроумно заметил, что, например, в «Никомаховой этике» перед нами — «наиболее блистательный конспект лекций, когда-либо написанный», в котором содержится попытка обобщить и систематизировать все, что греки говорили о данном предмете (Macintyre, 2007: 147).

ния¹⁶), есть и фундаментальное другое, с которым мы сталкиваемся, когда пытаемся очертить контуры его теории смешанного правления. С одной стороны, он иногда пишет о смешении тех трех форм, на которые указал еще Платон, но лучшей считает смесь только двух из них — олигархии и демократии. С другой стороны, предпочтение именно этой смеси, наверное, он отдает и по логическим основаниям, ведь иногда он говорит о смешении или пропорции власти двух классов — богатых и бедных — как о главной проблеме устройства политических сообществ Эллады. По указанной причине ему важны прежде всего эти две формы, а не все возможные шесть. Получается, что у Аристотеля есть две модели смешивания: смесь форм правления и смесь классов. И не всегда понятно, про какую он говорит в данном фрагменте текста.

К тому же, у него есть концепция *middle class polity*, как это переводит Блайт («средний вид государственного строя» — в переводе С. А. Желбелева), т. е. устройства государства, опирающегося прежде всего на средний класс, или на среднюю часть граждан, не богатых и не бедных, а находящихся посередине. Это усложняет изложение его взглядов еще больше. Например, именно в контексте обсуждения политики среднего класса он говорит в *Arist. Pol.* 1297a5, что чем более смешанной является форма правления (*ameinon he politeia meichthe*, последнее слово — форма глагола *mignumi*) — т. е., говоря нашим современным языком, чем больше форм правления смешано в определенном режиме, — тем он окажется устойчивее (Аристотель, Доватур, 1983: 511–512).

Не пытаясь вывести единственную истинную теорию смешанного правления, которой якобы придерживался Аристотель, посмотрим на глаголы, используемые им в «Политике». Если Дион мог взять фразу, согласно которой демократия и монархия именно «смешиваются», из «Законов» Платона, то какие метафоры практических действий по соединению, совмещению или перемешиванию он мог позаимствовать у Аристотеля?

Аристотель во второй книге «Политики» анализирует «Законы» Платона. Там, где первый своими словами пересказывает тезис Платона об удачной политической системе в Спарте, мы находим привычный

¹⁶Поэтому иногда трудно отличить, говорит ли он о политике в узком смысле слова, т. е. о конкретной форме правления, когда правят все, т. е. существует то, что мы теперь называем народовластием или демократией, либо он говорит о политике в широком смысле этого слова, т. е. как о способе устройства политического сообщества вообще, коих может быть шесть.

для нас глагол *mignumi*, ведь в Лакедемонe, согласно Аристотелю, *ton politeion memeinonen*, режим смешивает различные формы политики (в широком смысле этого слова), т. е. монархию, олигархию (он классифицирует именно так роль Совета из 28 геронтов в управлении Спартой; как мы помним, у Платона нет специального термина для этого в цитате из «Законов», приведенной выше) и демократию (сюда кто-то отнесет эфоров, кто-то — сисситии) (Arist. Pol. 1265b30–40; Аристотель, Доватур, 1983: 417).

Правда, Аристотель не согласен с тезисом из «Законов» о том,

что наилучшее государственное устройство (*ten aristen politeian*) должно заключаться в соединении [*sunkeisthai*, в словаре найдем *sunkeimai*, «лежать рядом», в пассивном значении — «состоять из, быть составленным»] демократии и тирании; но эти последние едва ли кто-либо станет вообще считать видами государственного устройства, а если считать их таковыми, то уж наилучшими из всех. Итак, правильное суждение тех, кто смешивает [*mignutes*, от глагола *mignumi*] несколько видов, потому что тот государственный строй, который состоит в соединении [*sunkeimene*, опять от глагола *sunkeimai*, как выше] многих видов, действительно является лучшим (Arist. Pol. 1266a1–5; там же: 418).

Большинство комментаторов замечают, что Аристотель приписал своему учителю тезис о том, что лучшее устройство — это смесь *demokratias kai turannidos*, хотя Платон писал о смеси демократии и монархии. Но если подставить тиранию на место монархии, как это делает Аристотель, то легко понять его тезис: ведь тирания — извращенная, или плохая, форма правления, при которой властью наделен один человек, правящий не в интересах всех, а в своих собственных, а демократия в понимании Аристотеля — это извращенная, или плохая, форма политики в узком смысле этого слова (при демократии правят все, но не в интересах всех, а в интересах обширных бедных слоев, подавляя интересы знатных и богатых). А лучше бы для стабильности политической системы учитывать интересы всех.

Для нас же интересно, что в этом развернутом комментарии к «Законам» Платона Аристотель пользуется не одним уже знакомым нам глаголом «смешать» (он относился прежде всего к жидкостям), а еще и глаголом «рядоположить, сложить (стихи или другой текст), составить из чего-либо». В развертывании своего аргумента Аристотель прибегает и к другим схожим глаголам. Он продолжает: если приглядеться к тому, что Платон хотел бы считать двумя главными

«материнскими» формами для всех политических устройств, — т. е. к монархии и демократии — мы там на самом деле обнаружим, что то, что он называет монархией, есть на деле олигархия. Соответственно, у него де-факто описывается смесь олигархии и демократии, а не монархии и демократии (Arist. Pol. 1266a5–10; там же)¹⁷. Далее он рассказывает, что в платоновской системе власти при выборах Совета тоже привилегией обладают богатые. Аристотель заключает: «Что такого рода государственное устройство (*politeian*) не будет представлять собой соединения (*sunistanai*) демократического и монархического начал (*ek demokratias kai monarchias*), ясно из вышесказанного» — и будет еще яснее в дальнейшем изложении (Arist. Pol. 1266a20; там же: 419). Мы не будем оценивать силу изложенных аргументов, так как это делали поколения специалистов по античной политической философии. Для нас важно, что в последней цитате для передачи идеи соединения или смешивания используется глагол *sunistemi*, означающий «поставить вместе, составить, соединить, свести, дать сойтись, организовать»¹⁸.

Но в большинстве рассмотренных случаев для передачи идеи смешивания или соединения используется глагол *mignumi*, «смешать», который преимущественно употребляется в контексте «смешать жидкости». Так, книге 5 «Политики» Аристотель пишет о причинах крушения разных политических систем (Arist. Pol. 1307a5–10; там же: 542):

Но главной причиной крушения политий (*politeiai*) и аристократий (*aristokratiai*) являются встречающиеся в самом их государственном строе (*politeia*) отклонения от справедливости. Начало крушения заключается в том, что в политии (*politeia*) в неправильном соотношении объединены [*memeichthai*, от глагола *mignumi*, «смешивать»] демократия и олигархия, в аристократии же — та и другая и еще добродетель, в особенности же указанные два элемента. Имею в виду демократию и олигархию, потому что именно их пытаются соединить [*mignunai*, снова глагол «смешивать»] политии (*politeiai*) и большая часть так называемых аристократий.

Блайт предлагает неординарную интерпретацию того, в чем заключается специфика аристотелевского подхода к смешиванию разных типов

¹⁷Позиция Аристотеля здесь не слишком ясна. Он говорит, что в таких смесях монархии и демократии магистраты на позиции исполнительной власти «назначаются по жребию из числа предварительно избранных» (а, видимо, в реальных монархиях магистратов должен был бы назначать монарх) и что до участия на народном собрании допускаются лишь люди, обладающие большим имуществом и прошедшие имущественный ценз, как, впрочем, и до должностей в исполнительной власти.

¹⁸Забегая вперед, скажем, что он встречается потом у Полибия. См. ниже.

правления. Он считает, что надо обратиться к физике смешивания жидкостей, вернее к тому, как эти физические закономерности представлял сам Аристотель. О смесях писали многие ранние греческие натурфилософы, и у Аристотеля, в отличие от Платона, можно найти цельную теорию смесей. (Платон, когда говорит о формах правления, использует слова, связанные с *mignumi*, без специальной философской нагрузки.) Из примеров самого Аристотеля становится ясно, что смешивание, например, двух сыпучих тел (сухого сахарного песка и соли или риса и бобов, как во многих блюдах нынешней мексиканской кухни) не есть смесь, так как вещества не меняют при этом своих качеств. Смешивание дерева и огня — тоже, так как один элемент исчезает (дерево сгорает) и его не восстановить. А смешивание сахара и стакана воды — смесь; мы можем восстановить сахар, выпарив воду. Тем не менее это не значит, что вступившие в смесь вещества сохраняют свою идентичность, четкие границы или определенные свойства. Аристотелевские смеси напоминают англ. *fusion*, слияние или сплав в результате плавки. Выделить первоначальные составляющие обратно можно, но они не сохраняют своей четкой отграниченности и структуры внутри слияния или сплава (Sharvy, 1983)¹⁹.

Поэтому, как заключает Блайт, когда мы говорим о смешанном правлении по Аристотелю, мы не должны иметь в виду смесь трех видов правительственных механизмов, четко отграниченных друг от друга, как было в Спарте, согласно Платону, или как было в Венеции, согласно Контарини (дож — монархический элемент, Сенат и его комитеты — аристократический, собрание всех патрициев старше 25 лет в *Maggior Consiglio* — демократический), или как англоязычные авторы XVII–XVIII вв., вплоть до отцов-основателей США, писали о смешанном правлении в Англии или Америке (король или президент — монархический элемент; верхняя Палата парламента, палата лордов или Сенат, — аристократический, нижняя палата, Палата общин или Палата представителей, — демократический). Аристотелю ближе идея слияния, чем балансировки частей: элементы политической системы не остаются раздельными и уравнивающими друг друга, а сливаются вместе в новом состоянии. Блайт приходит к выводу, что аристотелевской теории смешивания веществ ближе идея смешанного правления как стабильного политического устройства, основанного на среднем классе (иными словами, он

¹⁹Редкое возражение против превалирующего среди специалистов мнения, что Аристотель интерпретирует смеси по модели слияния см. в Соорег, 2004: 328–329.

предпочитает политику среднего класса), так как средний класс — это смешение богатых и бедных с выходом в новое состояние — появление класса средних собственников (Blythe, 1992: 22–24).

Следующие два авторитета, которые обычно отмечаются как развившие теорию смешанного правления, применив эти категории к анализу уже Рима, это Полибий и Цицерон. Их теория ближе к Платону и к ученику Аристотеля Дикеарху. Последний, согласно письмам Цицерона, защищал в споре с Феофрастом (тоже учеником Аристотеля и лидером школы перипатетиков после смерти учителя) *bios praktikos* как более важное призвание человека, чем *bios theoretikos*, которую Феофраст, в свою очередь, рассматривал в качестве более значимой. Хотя у нас не так много свидетельств этому, считается, что и Цицерон заимствовал свою теорию смеси трех типов правления у Дикеарха, а не только у Полибия (Rowe, 2000: 394–395). Дикеарх прожил часть жизни в Спарте и в своей не сохранившейся до нашего времени книге *Tripoliticus* вернулся к Платону и трехчастной схеме смешивания форм правления монархия–аристократия–демократия, не согласившись со своим учителем, для которого либо смесь олигархии и демократии — главный тип смешения, либо смешивание классов приводит к желаемой цели под названием политика среднего класса²⁰.

У Цицерона мы легко находим метафору смешивания. Сначала он формулирует тезис в *De re publica* 1.45 (Цицерон Марк Туллий, 1966: 23):

...я... считаю заслуживающим наибольшего одобрения... четвертый вид государственного устройства, так как он образован путем равномерного смешения трех его видов (*permixtum tribus*), названных мною ранее.

Затем Цицерон подытоживает изложенные аргументы в конце первой книги (1.69; там же: 32–33):

²⁰Цицерон упоминает Дикеарха в 7 письмах к Аттику и один раз — в диалоге *De legibus* (см. McConnell, 2012: 307). Про содержание доктрины Дикеарха мы можем судить, исходя из того, как неизвестный автор византийского трактата VI в. н. э. *Peri politike epistemes* («О политической науке», ранее автором этого трактата считался Петр Патрикий — см. Вальденберг, 2015: 176) описывает механизмы предлагавшейся реформы византийской политики: избрание монарха из кандидатов, выдвинутых лидерами сословий (каждый выдвигал бы по 3), назначение членов собрания по их доблести и активная роль граждан в выборах. Византийский патриарх IX в. Фотий в своих конспектах прочитанных книг заметил, что это размышление «дикеархова типа», *dikaiarchikon eidos* (см. Fotiou, 1981: 533).

...из трех указанных вначале видов государственного устройства, по моему мнению, самым лучшим является царская власть, но самую царскую власть превзойдет такая, которая будет образована путем равномерного смешения²¹ трех наилучших видов государственного устройства. [...] ...Виды государственного устройства, упомянутые выше, легко превращаются в свою порочную противоположность, — вследствие чего царь оказывается властелином (лат. *dominus*, «господин»), оптиматы кликой, народ изменчивой толпой, — и так как эти самые виды государственного устройства часто сменяются новыми, тогда как при этом объединенном и разумно смешанном государственном устройстве (*permixta constitutione rei publicae*) этого не случается почти никогда, разве только при большой порочности первенствующих людей²².

Во второй книге *De re publica* (2.42) он говорит, что устройство Спарты после Ликурга, Карфагена и Рима сочетало в себе 3 формы правления (и это мудро!), но Рим превзошел других тем, что не допустил в смеси относительного преобладания монархического элемента, как это случилось, возможно, в Спарте. В Риме формы правления смешаны более равномерно: «Ибо все начала, описанные мною ранее, правда, сочетались (*mixta fuerunt*) и в нашем государстве, и у лакедемонян, и у карфагенян, но далеко не равномерно» (Цицерон Марк Туллий, 1966: 45)²³.

Согласно Блайту, Цицерон совпадает с Полибием (на которого он опирался, как и на Дикеарха) в том, что он рассматривает смешение по неаристотелевской модели смеси из сохраняющих свое независимое существование частей, которые тем самым уравнивают друг друга. Идея сдержек и противовесов, такая характерная для нововременной политической мысли, на самом деле имеет свои корни в античном представлении именно о таком сдерживающем, уравнивающем и, в конце концов, уравновешенном смешивании. Полибий отличается от Цицерона, конечно, в том, что у него есть не просто идея превращения каждой хорошей формы правления со временем в свою плохую противоположность (монархии — в деспотизм или тиранию, аристократии — в олигархию, демократии в смысле народовластия — в охлократию,

²¹Здесь в латинском тексте стоит *quod erit* — «которая будет» из трех частей, смешивание не упоминается.

²²Комментарий русского переводчика отсылает к аргументу про Спарту в «Политике» Аристотеля (*Arist. Pol.* 1265b35–40), когда он повторяет Платона.

²³Надо заметить, что русский перевод «это из трех видов власти составленное государственное устройство» вводит образ составленности, хотя оригинал говорит о том, что было сделано общим.

власть разнузданной толпы), а в том, что эти формы циклически связаны в один круг постоянного вращения (греческий термин для этого — знаменитый *anakuklosis*, «анацикл»): монархия вырождается в тиранию, та приводит к аристократическому перевороту, но правление немногих лучших со временем вырождается в олигархию, что приводит к народному восстанию и установлению демократии, которая со временем вырождается во власть толпы, а это, в свою очередь, приводит к необходимости установления единовластия для устранения беспорядков (Blythe, 1992: 26–27, esp. fn. 52). Еще одно отличие Полибия от Цицерона заключается в том, что для последнего уравновешенная смесь форм правления, где отдельные элементы удерживают другие на местах, то есть оказывают сдерживающее влияние, может длиться вечно (моделью здесь выступает гармония, как во «Сне Сципиона», который описан в 6 книге *De re publica*). Для Полибия же римское политическое устройство, сложившееся естественным образом в результате хода истории, — лучшее из того, что дано человечеству; но это не означает, что это устройство не может рухнуть от старости или под влиянием внешних факторов, как Карфаген (Polyb. Hist. 6.9.12–14; Полибий, Мищенко, 1995: 12).

Полибий представляет в своем анализе не только идею уравновешивающего смешивания, но и мысль о том, что из каждой чистой формы правления надо взять в смешанную форму лучшее (этой мысли мы не найдем у Платона или Аристотеля). Полибия поэтому можно полусутоливо назвать первым технократом, сооружающим самое устойчивое на данное время соединение элементов из лучшего подручного материала. Тогда закономерными покажутся и термины, которыми он пользуется. Он совсем не употребляет метафору смешивания жидкостей²⁴ — в основном он применяет метафоры составления войск или упорядочивания в смысле выстраивания в ряд. Повторим знаменитый отрывок из начала нашей статьи, в котором Полибий пишет (Polyb. Hist. 6.10.6–7; там же: 13):

Ликург... установил [sunestesato, от глагола sunistemi, о нем подробнее — немного ниже] форму правления не простую и не единообразную, но соединил [sunethroidze, от глагола sunathroidzo, также см. ниже] в ней вместе все

²⁴Во «Всемирной истории» глагол *mignimi* встречается всего один раз, в Polyb. Hist. 10.11.7–8. Сципион произносит речь, обращенную к воинам, перед штурмом Карфагена, смешивая (*temigmenon*) в ней точные расчеты с обещанием золотых венков. Русский перевод не указывает на смешивание. Согласно ему, Сципион «подкрепил» расчеты обещанием (Полибий, Мищенко, 1995: 129). Для сравнения: глагол *sunistemi* встречается там 259 раз, *sunathroidzo* — 95 (частотность указана по базе Perseus).

преимущества наилучших форм правления, дабы ни одна из них не прививалась сверх меры и через то не извращалась в родственную ей обратную форму, дабы все они сдерживались в проявлении свойств взаимным противодействием и ни одна не тянула бы в свою сторону, не перевешивала бы прочих, дабы таким образом государство неизменно пребывало бы в состоянии равномерного колебания и равновесия, наподобие идущего против ветра корабля.

Про Рим, который выступает другим важным примером хорошего политического устройства в отличие от Афин, Крита, Фив и даже Карфагена, Полибий говорит в 6.11.11, что никто из римлян, смотря на то, как все у них равномерно и правильно устроено (*sunetetakto*, от глагола *suntasso*, «располагать в порядке»), не мог сказать, кто правит — монархический (консулы), аристократический (сенат) или демократический (народ) элемент (Полибий, Мищенко, 1995: 14).

Подчеркнем еще раз, что вместо терминов смешивания мы встречаем здесь глаголы, первоначально связанные с выстраиванием воинских порядков, упорядочением войск. *Sunistemi* имеет ранние значения «ставить вместе или расставлять войска», т. е. сколачивать единую армию против кого-либо, сводить вместе кого-либо как друзей (против врагов), а отсюда уже — объединять, свести воедино, суммировать, заключать. *Sunathroidzo* имеет значение «собрать» и употребляется прежде всего в контексте «собрать армию». Среди первых значений *suntasso* есть «собрать, поставить в ряд в боевом порядке, выстраивать в строй готовых к бою, хорошо подготовить (атаку)». Не потому ли смесь Полибия — это совсем не смесь-сплав по Аристотелю и не потому ли отдельные формы правления, когда их сводят в соединенно-смешанную форму, ведут себя, как воины в строю: они могут друг другу помогать, но могут и друг друга ограничивать?²⁵ Они, естественно, сохраняют свое раздельное существование, и разные фрагменты текста Полибия рассказывают о функциях консулов (Polyb. Hist. 6.12), Сената (Polyb. Hist. 6.13) и народа (Polyb. Hist. 6.14). Когда же Полибий говорит об участии народа в политическом процессе (*politeuma*), он употребляет слово *meris* — «доля», «часть», «порция». Доля римского народа, или его пропорциональная часть в общей системе правления, — выдавать награждения и наказания, принимать или отвергать голосованием законы и т. п. Полибий совсем далек от аристотелевской идеи смешения

²⁵Polyb. Hist. 6.15.1–2; там же: 16: «Отдельные власти могут при желании или мешать одна другой, или оказывать взаимную поддержку и содействие».

богатых и бедных в одном среднем классе так, чтобы они слились в более-менее однородную массу.

MIXIS И KRASIS

К какой версии будет ближе Дион, когда он говорит о смешении *monarchia* и *demokratia*? Для него это слияние двух разных субстанций в общий сплав, как у Аристотеля, или со-ставление, т. е. попытка поставить две четко разделенные группы людей, представляющие две разные формы правления, так, что одна часть функций отдается монархам, их ближайшим советникам и назначенным по их рекомендации магистратам, а другая — Сенату, у которого тоже четко очерченная роль, не пересекающаяся с монархическим элементом?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, сравним описание смешанного правления, выполненное Дионом, с тем, что предлагали его современники, пишущие на греческом языке. Элий Аристид в «Похвале Риму» (гл. 90) так описывает сложившееся там смешанное правление, указывая сначала, что существует 3 его формы (монархия, аристократия, демократия) (Элий Аристид, Межеричка, 2006: 157):

Только в вашем государстве форма правления не такая, а представляет собой как бы соединение всех трех (*krasis harason ton politeion*), только без недостатков каждой; потому она и возобладавала над другими. Так что если кто посмотрит на силу народа и на то, как легко он добывается всего, чего захочет и попросит, то решит, что это демократия (*demokratia*), но без недостатков, свойственных народу (*demos*). Когда он увидит Сенат (*gerousia*), принимающий постановления и блюдуший власть, то решит, что нет аристократии более совершенной, чем эта. Взглянув же на Эфора и Притана, который возвышается над всеми и позволяет народу добиваться желаемого, а немногим (*tois oligois*) — удерживать власть (*archein*) и силу (*dunasthai*), он увидит самого совершенного монарха (*monarchian*), который чужд злодейств тирана (*tirannou*), а величием превосходит царя (*basileos*)²⁶.

Комментарий к переводу говорит, что, хотя этот пассаж в основном якобы повторяет Полибия, надо понимать фундаментальное отличие данного аргумента и того, что Полибий писал о времени расцвета Римской республики. Действительно, народ в описании Аристида якобы всего добывается, но не упоминаются ни процедуры голосования, ни

²⁶ Аристид специально говорит о принце как о самом главном магистрате и также применяет к нему греческие термины *archon* и *hegemon*, а термин *basileos* зарезервирован для персидских царей или Александра Македонского (Carsana, 1990: 68–69).

народные трибуны, ведь должность эфора (избираемого защитника народных интересов) передана императору, что соответствует реальности. Начиная с Августа принцепсы обладали *tribunicia potestas* (трибунской властью), хотя не могли избираться в трибуны. Принцепс также назван и пританом. В Афинах эта должность возникла во время борьбы аристократии против тирании: пританами там называли 50 человек, председательствовавших в течение года в Совете и управлявших делами полиса. Получается, что принцепс играет также и роль сенатора или старейшины, позволяя, с одной стороны, аристократии проводить свои интересы в жизнь, а с другой — якобы чутко реагируя на народные запросы. Император — защитник и знати, и народа, а по власти и силе ему нет равного.

Константин Марков, который первый в русскоязычной научной литературе сопоставил Диона и Аристиды, замечает, что Элий был представителем Второй софистики и потому его восхваление Рима могло быть местами написано эзоповым языком. Так, в этом труде нет стандартного описания свершений римских героев или отдельных императоров (например, как говорил Август, он получил Рим глиняным, а оставил его каменным; многие восхищались этим), зато речь часто идет об Афинах или подчиненных римлянами греках, а также можно увидеть временами иронию в отрывках, в которых представлено слишком явное восхваление Рима (а значит, есть риторическое перехваливание, намекающее на то, что позиция автора, возможно, обратная) и т. п. (Марков, 2013: 56–57). Но для нас интересно прежде всего то, что Аристид пользуется совсем другим термином для обозначения смеси 3 видов правления: имперский Рим представляет собой, по его словам, *krasis*, а не *mixis*. Что выбор именно этого термина Аристидом может нам сказать о характере смешивания форм правления в его доктрине и у Диона? Не подчеркивает ли Аристид, что смешение трех форм правления приобрело характер смеси по Аристотелю, т. е. такого слияния, когда нельзя различить отдельных элементов, входящих в состав смеси, поскольку император теперь контролирует все и правление стало однородным?

Аристотель в «Топике» (Аг. Топ. 122b26–31) замечает, что *krasis* — это вид *mixis*, так что верно сказать, что если есть *krasis*, то точно есть и *mixis*, но неверно сказать, что *mixis* — всегда *krasis*²⁷. Термин *krasis*

²⁷Аристотель, Микеладзе, 1978: 414: «Не всякое смешение есть соединение (ведь смешение сухих вещей не есть соединение)». О различии лексик, связанной с *krasis* и с *mixis* у досократиков, есть целый трактат (Montanari, 1979).

исконно означал смешивание воды и вина. В результате этого достигалось то слияние, которое делает смесь поистине смесью; оно специально разбиралось Аристотелем в 10 главе первой книги его трактата «О возникновении и уничтожении». Термином *mixis* можно было обозначать не только слияние перемешиваемых жидкостей, но и смешение сыпучих тел, например пшеницы и ячменя, — так, что смесь сохраняла составные части (зернышки) смешанных тел. Разница между *mixis* и *krasis* состояла в том, похоже, что потенциально механические смеси (смеси сыпучих тел) можно разделить на составные части; слияние воды и вина дает новое состояние вещества, из которого невозможно выделить вино и воду. Конечно, есть вопросы насчет гомогенности смесей, вернее, согласно неологизму русского перевода, есть проблема подобочастия. Поскольку смесь, по Аристотелю, меняет входящие в смешения тела, то часть смеси должна быть подобием целого и напоминать любую другую часть смеси так же, как частью воды всегда будет вода. Смесью по своей сути тогда не является то, что из-за мелочи зернышек смешиваемых веществ кажется невооруженному глазу гомогенной массой, но при остром зрении или увеличении в лупе можно увидеть, что это все так же смесь пшеницы и овса, просто очень мелких их частиц (Arist. Gen. corr. 328a5–10; Аристотель, Миллер, 1981: 415)²⁸. Для Аристотеля вопрос о смесях — это часть вопроса о том, как появляются новые тела и исчезают старые, и он требовал философского рассмотрения перед попыткой ответа на другой вопрос — о том, как тела возникают из смешения четырех базовых стихий, особенно если учесть, что Аристотель не разделял доктрину античных атомистов и не видел в каждом теле смешения или сцепки атомов²⁹.

²⁸ Плохо видящие назовут смесью результат такого перемешивания мелких частей пшеницы и ячменя. Но, по сути, такую комбинацию мельчайших частиц пшеницы и ячменя, как считает Аристотель, надо называть соединением или со-положением (*sunthesis*), ведь «часть не будет обладать тем же соотношением составных частей, что целое». Такое состояние, согласно ему, отличается и от *mixis* (на русский это переведено как «смесь»), и от *krasis* (переведено как «слияние»). Комментаторы видят здесь противоречие этой формулировки и определения из «Топики» (см. сноску выше), ведь смесь в повседневной жизни назывались и смеси сыпучих тел. Вообще, в этой главе Аристотель в основном пользуется терминами, производными от *mixis*, и лишь иногда упоминает *krasis* (Arist. Gen. corr.: 327b34–328b24).

²⁹ Плоть, например, состоит из слияния земли и огня («О возникновении и уничтожении»; Arist. Gen. corr. 334b), и Аристотель заинтересован в таких смесях. Однако термином *stoicheion*, «стихия», он обозначает в этом трактате базовые качества стихий (горячее, холодное, мокрое, сухое), а не сами четыре стихии. И интерес к разнообразным диалектически меняющимся смесям мокрого (вода) и сухого (земля), которые порож-

Понятно, что Диона, как практикующего политика (сенатора), а потом уже историка или теоретика, вероятно, мало интересовали детали физической доктрины Аристотеля, если они и были ему доступны. Но удивительно, что термин *krasis* не встречается в сохранившихся до наших дней частей текста «Римской истории» ни разу. Для сравнения: в «Речах» Элия Аристида, т. е. в гораздо более коротком тексте, этот термин употребляется 11 раз, хотя и в основном значении слияния жидкостей, лекарств и т. п.³⁰ Флавий Филострат, написавший примерно в то же время роман «Жизнь Аполлония Тианского», в котором в пятой книге философы спорят в присутствии императора Веспасиана о том, какая из трех основных форм правления лучше (и ни один не рекомендует четвертую смешанную форму), термин *krasis* упоминается 2 раза, и оба — в неполитическом контексте. Один раз он применяется, чтобы описать слияние хороших качеств в душе царственного мужа (Philostr. VA. 2.37), другой — смесь смолы и серы (Philostr. VA. 5.17)³¹.

Конечно, Дион употребляет однокоренной глагол *kerannumi* (значивший «смешивать», например, вино и воду), который и приводит к *krasis*. Во всем тексте «Римской истории» это случается 4 раза. Про императора Каракаллу говорится, что он смешивал (*ekerannue*) вино в краторах для своей дворцовой стражи (Dio Cass. Hist. rom. 78.17.4). Про Августа унаследовавший от него трон Тиберий говорит в надгробной речи, что Октавиан «сочетал и соединял» (*emixe kai ekerasen*; первый глагол однокоренной с *mixis*, второй — с *krasis*) в себе такие достоинства, что даже проигравшие ему в битвах враги считали это победой, в то время как, например, Сулла и Марий вырезали даже сыновей своих противников (Dio Cass. Hist. rom. 56.38.5). В еще одном эпизоде Август, убеждая холостых римлян вступить в брак, говорил о том, что жена будет своими талантами смягчать (*kerasai*) им старческую раздражительность в пожилые годы, т. е., по всей видимости, имелось в виду, что она будет разбавлять недостатки мужа, подмешивая свои качества (Dio Cass. Hist. rom. 56.3.3). В одной из ранних книг говорится про Вириата, предводителя племени лузитанов, что скромное происхождение и репутация сильного воина так слились (*ekekrato*) в нем, что он не казался ни ниже,

дают ткани плоти или кости, не дают ему провести контраст *mixis-krasis*, принятый в обыденном языке его времени (см. Frede, 2004: 290–291, 304–307).

³⁰Частота словоупотребления в *Orationes* Элия Аристида (издание Диндорфа 1829 г.) дана по <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/wordfreq?lang=greek&lookup=kra%3Dsis>.

³¹(Флавий Филострат, Рабинович, 1985: 49, 102). Частота словоупотребления — по той же ссылке в базе *Perseus*, что и выше.

ни выше других по достоинству (Dio Cass. Hist. rom. 22.73.4) (Кассий Дион, Махалюк и др., 2011: 229; Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 320, 279; Dio Cass. Hist. rom.: 2, 410–411).

Примечательно, что Дион очень часто пользуется глаголом *mignumi*, который и порождает смесь — *mixis*. В отличие от *krasis* иногда в таких смесях трудно увидеть слияние частей смеси до того состояния, когда часть содержит те же элементы, что и целое, т. е. подобочастна, как это требовал в своем философском определении смеси Аристотель. Например, Дион употребляет глагол *mignumi* для смешивания жидкостей или веществ, которые не смешиваются. О воинах Элия Галла, сражавшихся в Аравии и заболевших там странной болезнью, говорится, что их надо было лечить с помощью смешивания оливкового масла и вина — *elaion oino memigmenon* (Dio Cass. Hist. rom. 53.29.5). В ответ на то, что римляне упрашивают Августа простить его дочь Юлию, он говорит: «Скорее вода смешается (*michthesesthai*) с огнем» — после чего они начинают бросать в Тибр горящие головешки (Dio Cass. Hist. rom. 55.13.1), но из этого ничего не выходит. С другой стороны, так как термины *mixis* и *krasis* могли использоваться в повседневной речи как синонимы, мы находим и ситуации, когда *mignumi* подразумевает слияние нераздельных после слияния элементов. Так, в уже процитированном фрагменте речи Тиберия при погребении Августа говорится, что он смешал и слил (*emixe kai ekerasen*) в себе два достоинства, а про самого Тиберия указывается, что он часто цитировал древний стих: «Пусть после гибели моей земля смешается (*michtheto*) с огнем» (Dio Cass. Hist. rom. 58.23.4). Наши современники скажут, что, видимо, он жил по принципу «после меня хоть потоп», но трудно представить себе, что после такого катаклизма можно восстановить первоначальное состояние веществ. (Да и если вспомнить, что *терракота* по-латински буквально означает «запеченная в огне земля», то сложно представить, что составные части и этой обожженной в огне глины можно расщепить на землю и огонь обратно.) Про предсказание астролога, согласно которому Нерон убьет свою мать, говорится, что та зря согласилась на это, лишь бы он получил власть — нельзя неразрывно смешивать хорошее и плохое (*agathon kako memigmenon*), думая, что случится только хорошее (Dio Cass. Hist. rom. 61.2.2). Когда придется вынести и плохое, пожалеешь (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 152, 245, 320, 551–552).

Иногда все же расщепить смешанное обратно на составные части в принципе можно. Про Цезаря и Помпея возвышенно-риторически

говорится, что природа смешала (*mixasa*) их кровь, но потом при столкновении жажда власти оторвала их друг от друга (Dio Cass. Hist. rom. 41.57.4). Про более приземленные ситуации смешения людей можно сказать следующее: хотя сторонний наблюдатель может не заметить смешения совсем разных людей в одной толпе, в принципе она делима на разные группы. Так, говорится, что воины Веспасиана в пылу битвы смешались (*michthentes*) с противником (Dio Cass. Hist. rom. 64.14.2) или что племена квадов, пошедшему на мир с римлянами, Марк Антоний не дал права посещать рынки из опасения, что племя маркоманов смешается (*mignuontai*) с ними, чтобы разведать позиции римлян и закупить провизию (Dio Cass. Hist. rom. 72.11.3). Глаголы «смешивать» (*mignumi*) или «сливать воедино» (*kerannumi*) любопытным образом приводятся в одной цитате про Севера: он показал римлянам во время празднеств в цирке мифическое животное корокотту, которая соединяет (*memigmenes*, букв. «смешанной») цвета львицы и тигра, а также подмешивает (*sunkekrameno*) к этим животным собаку и лису (Dio Cass. Hist. rom. 77(76). 1.4). Рациональный ум современного читателя предлагает интерпретировать это так, что цвета на шкуре можно увидеть как чередующиеся, а потому потенциально разделяемые — по этой причине употребляется глагольная форма от *mignumi*. А вот само животное, состоящее из частей 4 типов разных животных, разобрать на этих животных нельзя (как кентавра нельзя разобрать на человека и лошадь) (Dio Cass. Hist. rom.: 4, 98–99; *ibid.*: 8, 242–243; Кассий Дион, Махалюк и др., 2011: 159, 262). Ну и напоследок — одна цитата из Диона, где *mignumi* употребляется с сексуальной коннотацией. Атия, мать Октавиана Августа, претендовала на его божественное происхождение, так как один раз она уснула в храме Аполлона и ей приснилось, что она спуталась-смешалась (*mignusthai*) со змеем, поэтому она и родила через некоторое время божественного сына (Dio Cass. Hist. rom. 45.1.2–3) (Dio Cassius, Cary and Foster, 1916: 408–409)³².

Получается, что во фразе про смесь монархии и демократии Дион мог использовать и идею совмещения отдельных частей, которые сдерживают и уравновешивают друг друга, как об этом писали Полибий

³²Надо отметить, что *mignumi* в значении «спутаться» или «смешать кровь» встречается еще в 8 книге «Законов» Платона (Pl. Leg. 839a), где упоминается запрет на кровосмешение, т.е. запрет спутываться с родителями — *ton goneon summeixeis* (Платон, Егунов, 1994: 292).

и Цицерон про времена расцвета Римской республики, и аристотелевскую идею неразрывного слияния, сплава воедино, которую использовал Элий Аристид для намека на неразрывный блок императорско-народной власти, на монолит единоначалия, сложившийся в имперском Риме после Октавиана Августа. Чтобы понять, какая мысль могла бы быть ему ближе, сначала посмотрим на других известных ему античных авторов, писавших о смешанном правлении.

Когда Аалдерс исследует вопрос об интеллектуальных заимствованиях Диона, он говорит, что тот редко упоминает прочитанных авторов. Даже Фукидида, представления которого о низменной человеческой природе Дион часто повторяет, он не цитирует напрямую, что, в общем, было характерным для античных авторов. Аристотель упоминается по имени Дионом один раз (Dio Cass. Hist. rom. 78.7.3: Каракалла ненавидел философов-аристотелианцев, так как глава школы был якобы повинен в смерти Александра Македонского, которого император боготворил). Платон — тоже один раз (Dio Cass. Hist. rom. 43.11.2: Катон перед смертью взял в руки его книгу о душе, т. е. «Федона»). Но эти упоминания никоим образом не связаны с идеей смешанного правления. Одна из цитат в эпитоме первых книг «Римской истории» может указывать на то, что Дион взял свою идею геометрического равенства (kat'axian) не напрямую у Платона и Аристотеля, а у Дионисия Галикарнасского, как отмечает Аалдерс (Кассий Дион, Махалюк и др., 2011: 286; Dio Cassius, Cary and Foster, 1916: 226–227; Aalders, 1968: 292, 299). Но учитывая, что в книге Дионисия «Римские древности» в основном описывалось устройство Рима до цезарей (и в этом контексте упоминалось смешанное правление), трудно представить себе его прямое влияние на концепцию Диона.

Не более ли вероятно, что автор, на которого мог опереться Дион в своем поиске удачного термина для описания системы смешанного правления, — это Плутарх? Он был по нашим меркам почти что современником Диона; и у Плутарха встречается описание «смещения монархии и демократии» почти что в тех же терминах, что и у Диона³³. В знаменитом жизнеописании другого Диона, ученика Платона и правителя Сиракуз после двух тиранов Дионисиев, Плутарх пишет,

³³Миллар считал недоказанным, что Дион читал биографии Плутарха (Millar, 1964: 34). Но см. Pade, 2014: 534: части своей «Римской истории» (например, описания взаимоотношений Брута, убийцы Цезаря, с его женой Порцией в Dio Cass. Hist. rom. 44.13–14) Дион основывал на пересказе Плутарха.

что тот, сместив тирана и устранив лидера народной партии Гераклида, который вел город к неуправляемой демократии, решил следующее («Дион» 53 — Плутарх, Аверинцев, Т. 2, 1994а: 471):

Дион пригласил коринфян, надеясь, что с ними легче введет новое государственное устройство, которое задумывал установить. А задумывал он, ограничив полную демократию (*akraton demokratian*, буквально — «несмешанную», от глагола *kerannumi*) (ибо вместе с Платоном считал ее не правлением, но крикливым торжищем всех видов правления), ввести нечто вроде лаконского или критского строя, то есть смешать власть народа с царской властью (*míxamenos ek demou kai basileias*)³⁴, так чтобы вопросы первостепенной важности рассматривались и решались лучшими гражданами; при этом он замечал, что весьма близки к олигархическому устройству и коринфяне, у которых лишь немногие из государственных дел поступают в Народное собрание.

Стоит подчеркнуть две детали этого описания. Во-первых, у Плутарха читателю предлагается несколько другая «смесь», чем у Кассия Диона: здесь смешиваются *demokratia* и *basileia* (Carsana, 1990: 50)³⁵. Впрочем, авторы эллинистических политий могли называть вещи привычными именами и не предпринимать эвфемистические попытки в стиле Кассия Диона, который не хотел именовать римский принципат термином *basileia* и последовательно обозначал его только как *monarchia*, потому что термин *rex-basileus* был традиционно ненавистен римлянам после давнего изгнания первых римских царей. Во-вторых, мы видим оба глагола для обозначения смешивания — как *mignumi*, так и *kerannumi*. Посмотрим, имели ли эти термины (почти что синонимы в повседневной речи) для Плутарха серьезный философский смысл, который им придавался Аристотелем и который мог проявиться в предпочтении Кассия Диона использовать слово *míxis*, а Аристиды — *krasis*.

Аалдерс в своем комментарии к политической мысли Плутарха замечает, что в целом тот не был сторонником смешанного правления в современную ему эпоху, поэтому вообще мало о нем писал и видел в нем лишь идеал из прошлого, характерный, возможно, только для Спарты после реформ Ликурга (Aalders, 1982: 36). Последний, как отмечал Плутарх в гл. 5,

³⁴Мы знаем из самого Плутарха, что Дион Сиракузский был обвинен в тиранических тенденциях и убит за попытку введения смешанного правления путем ограничения несмешанной демократии.

³⁵Кьяра Карсана, которая первая указала на параллели, однако, не видит в этом интересного концептуального различия.

был убежден, что отдельные законы не принесут никакой пользы, если, словно врачюя больное тело, страдающее всевозможными недугами, с помощью очистительных средств, не уничтожить дурного смешения (*krasis*) соков и не назначить нового, совершенно иного образа жизни (Плутарх, Аверинцев, Т. 1, 1994b: 50–51; Plutarch, Fowler, 1936: 216–221).

Плутарх здесь использует термин *krasis* для обозначения смешения соков внутри тела, которые вместе обуславливают темперамент человека. Но потом метафору смешения соков он сразу же заменяет на метафору сбалансированного и потому устойчивого корабля. Ликург, согласно Плутарху, посмотрев на несбалансированность соков-гуморов в политическом теле спартанской системы, и учредил такой новый орган власти, как Совет старейшин (геронтов), в дополнение к монархическому и демократическому элементам этой системы.

В соединении с горячечной и воспаленной, по слову Платона, царской властью, обладая равным с нею правом голоса при решении важнейших дел, этот Совет стал залогом благополучия и благоразумия. Государство, которое носилось из стороны в сторону, склоняясь то к тирании, когда победу одерживали цари, то к полной демократии, когда верх брала толпа, положив посредине, точно балласт в трюме судна, власть старейшин, обрело равновесие, устойчивость и порядок («Ликург», 5 — Плутарх, Аверинцев, Т. 1, 1994b: 51).

Однако и этого было мало, как замечает Плутарх. Хотя

Ликург придал государственному управлению смешанный (*mixantos*) характер, но преемники его, видя, что олигархия все еще чересчур сильна, что она, как говорил Платон, надменна и склонна ко гневу, набрасывают на нее, словно узду (*psalion*), власть эфоров-блюстителей — приблизительно сто тридцать лет спустя после Ликурга, при царе Феопомпе («Ликург», 7 — там же: 52).

Переход от *krasis* к *mixis* в этой фразе, наверное, мог бы подчеркнуть представление о смеси трех политических форм правления в одной композитной четвертой как отстоящих друг от друга и противостоящих друг другу подсистем, где элемент одной (народной) подсистемы может набросить канат или сдерживающую узду на другую, олигархическую. Тем не менее перед Плутархом не стоит цели жестко и последовательно указывать с помощью терминов смешивания *krasis* или *mixis*, как он представляет получающуюся систему: как слияние-сплав или как композитную систему, состоящую из отдельных и четко отграниченных частей. Соответственно, он сразу же вслед за использованием терминов, связанных с *mignimi*, снова возвращается к *kerannimi*.

Аргивяне и мессенцы, по его словам, сначала

пользовались всеми теми же преимуществами, что и спартанцы... но благоденствовали они недолго: бесчинства царей, а равно и своеволие народа привели в расстройство установившийся порядок вещей. Их пример показывает, что поистине счастливым даром богов был для спартанцев тот, кто так стройно сочетал [harmosamenos, от глагола harmodzo] и уравновесил [kerasas, от глагола kerannumi] различные силы в государстве (Плутарх, Аверинцев, Т. 1, 1994b: 52–53; Plutarch, Fowler, 1936: 226–227).

Переводчики опять вынуждены говорить об уравновешивающем смешивании 3 элементов, а не о полном их слиянии так, как если бы после смешивания сохранялись отдельные когерентные цветные области смешанных соков или жидкостей. Наверное, к такой же интерпретации нас подталкивает и другой упоминаемый в этой цитате глагол harmodzo. Он означал первоначально «приладить» и употреблялся, например, в контексте деятельности плотника, который подгоняет или прилаживает доски пола или части стула; отсюда — другие значения: «налаживать», «настроить», «гармонизировать». Дионисий Галикарнасский так употребляет этот термин в характерном примере из «Римских древностей» (Dion. Hal. Ant. Rom. 2.62.5): легендарный царь Нума, давший Риму благие законы, настроил (harmosamenos) римский народ (почти что как инструмент, organon) на стремление лишь к общественному благу³⁶. Этот термин характерен и для «Моралий» Плутарха, в известном кратком наставлении из которых, например, говорится, что каждую из трех форм правления надо правильно настроить. Это подобно тому, что «сведущий в музыке и музыкально одаренный человек сможет пользоваться всяким стройно звучащим инструментом, искусно настроив (harmosamenos) его»³⁷. Смешивать эти формы правления, однако, в данном отрывке не предлагается, что подтверждает тезис Аалдерса:

³⁶Цит. по базе Perseus. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:2008.01.0572:book=2:chapter=62&highlight=a%28rmosa%2Fmenos>.

³⁷Этот короткий текст Плутарха более известен как De unius in republica dominatione, populari statu, et paucorum imperio (*Вестник древней истории* 1979, № 2, цит. по <http://simposium.ru/ru/node/9523>. Посл. доступ 06.02.2023). О смешивании форм правления как о налаживании общей тональности, т. е. о настройке музыкальных ладов, см. Аристотель, 1290a25: «Существует два или один вид прекрасного государственного устройства, а все остальные виды — отклонения от наилучшего, подобно тому как имеются такие же отклонения и от хорошо сложенной тональности (kekramenes harmonias, первый термин — от глагола kerannumi, „смешивать“, в англ. переводе — well-blended); и мы склонны сопоставлять олигархические виды правления, которым присущ деспотизм, с более напряженным тоном, а демократические, дряблые — с ослабленным тоном» (Аристотель, Доватур, 1983: 491).

смешанное правление не было в центре внимания Плутарха. Это, конечно, могло и не помешать тому, что Дион позаимствовал у Плутарха удачное выражение про смешивание монархии и демократии.

Как уже было упомянуто, среди ученых распространена гипотеза о том, что и Тацит и Кассий Дион, когда они описывали время Августа, опирались на один и тот же не сохранившийся до нашего времени первоисточник. Если так, то мы с удивлением читаем про смешанное правление у Тацита строки, которые показывают, что тема ему близка, хотя и кажется идеалом, трудно реализуемым на практике в Риме его времени. Тацит пишет в «Анналах» (Tac. Hist. 4.33.1; Тацит, Бобович и др., 1969: 129):

Всеми государствами и народами правят или народ (*populus*), или знатнейшие (*primores*), или самодержавные властители (*singuli*); наилучший образ правления, который сочетал (*consociata rei publicae forma*) бы и то, и другое, и третье, легче превозносить на словах, чем осуществить на деле, а если он и встречается, то не может быть долговечным.

Согласно Карсане, Тацит — единственный из латинских авторов эпохи принципата, который писал о смешанной форме правления (Carsana, 1990: 41). К сожалению, у самого Тацита этот термин больше не встречается для характеристики форм правления. Вообще, *consocio* и его производные употребляются часто у Ливия и Цицерона, редко у Светония и Квинтилиана, согласно словарю Льюиса — Шорта³⁸.

Посмотрим, к чему ближе этот термин *consociatus* — к *krasis* или *mixis* — на основе текста Аммиана Марцеллина, который, согласно базе латинских текстов Perseus, упоминает его на удивление часто (20 раз в *Rerum Gestarum* — «Римской истории» этого автора). Автор был греком, но писал на латинском, причем примерно на 150 лет позже Диона. Среди восьми примеров словоупотребления, которые я посмотрел в базе Perseus, большинство связано со смешиванием (союзнических) воинов или войск: Amm. Marc. Hist. 25.5.3; 26.6.2; 29.5.9; 29.5.17. Это неудивительно, наверное, учитывая значение слова *socii* (союзники Рима). Но есть 2 примера, в которых говорится о слиянии рек: Amm. Marc. Hist. 15.11.3 — про слияние их вокруг Парижа (Лютетии) и текущих потом как одна; и Amm. Marc. Hist. 23.6.57 про реки на восточной периферии Римской империи — в области, где все они сливаются в *Oxus* (нынешняя

³⁸Lewis & Short Latin-English Dictionary: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/morph?1=consociatus&la=1a#Perseus:text:1999.04.0059:entry=consocio-contents>.

р. Амударья)³⁹. Тут *consociatus* выступает синонимом полного слияния, до неразличимости вод в одной большой реке. Однако большинство примеров употребления слова *consociatus* указывает на соединение расчлененного, так что, видимо, если Дион и выбрал бы ориентацию на общий с Тацитом источник, то базовой метафорой для *mixas* у него стало бы соединение раздельного в чем-то целом, смешение войск, а не слияние воды и вина.

ТЕМПЕРАМЕНТ: МОНАРХИЯ КАК БОЛЕЗНЬ

К такому же выводу приводит нас и более подробный анализ *krasis* у Элия Аристиды, «Похвала Риму» которого и дала нам заметить контраст между *krasis* и *mixis*. Дело в том, что Элий упоминает термин *krasis* в применении не только к Риму, но и к Афинам, когда он пишет свою «Панафинейскую речь». Такие речи знаменитые ораторы произносили на самом большом религиозном празднике города Афины, проходившем раз в 4 года. Термин *krasis*, который подчеркивает слияние всего аппарата власти в единое, неразделимое целое, поразил бы нас, если бы он относился к Афинскому полису классического периода, т. е. периода чередования там олигархии и демократии, борьбы между ними или, как утверждали некоторые, когда и там было смешанное правление. Так, в «Панафинейской речи» Исократы, произнесенной за 500 лет до такого же ораторского подвига Аристиды, можно найти критику Спарты для возвеличения Афин и глагол *miḡnumi*:

Ведь Ликург лишь воспроизвел как можно лучше государственное управление наших предков и ввел у лакедемонян ту демократию, смешанную (*temiḡmenen*) с аристократией, которая была установлена у нас («Панафинейская речь» XII.153, см. также 131–132 — Исократ, Андреев и др., 2013: 256, 250–251)⁴⁰.

Но Афины через 3 века после покорения Греции римлянами — совсем другое дело. С одной стороны, греческие провинциальные элиты уже получили римское гражданство и защиту по закону так, что произволу

³⁹Все примеры — из <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/searchresults?q=consociatus&target=1a&doc=Perseus:text:2007.01.0081&expand=lemma&sort=docorder>.

⁴⁰Аристотель также писал про Афины периода законов Солона в *Arist. Pol.* 1273b35–40, что тогда смешали (*meixanta*) олигархию, аристократию и демократию, а про лучшую форму народоправства он рассуждает в *Arist. Pol.* 1293b34: «Говоря попросту, полития является как бы смешением олигархии и демократии (*mixis oligarchias kai demokratias*)» (там же: 440, 502).

действий римских наместников может быть поставлен предел (или надета узда) в виде центральной власти принцепса. Об этом сообщает еще и аристидовская речь-похвала Риму на самом явном, как говорят социологи, манифестном уровне. С другой стороны, греки не забыли, что их насильно подчинили — и подчинили те, кого они считали развитыми гораздо ниже себя в культурном отношении. Поэтому на латентном уровне, читая между строк, написанных эзоповым языком авторами Второй софистики, мы можем увидеть в таких речах критику данной ситуации. Это относится как к речи Аристиды о Риме, так и к его речи об Афинах.

В «Панафинейской речи» Аристид пересказывает историю Афин и говорит, что Аполлон дал афинянам законы, как и спартанцам, а потом была череда прекрасных правлений: мифологического царя Эрехтея и его потомков, переход к демократии, затем — введение Ареопага и аристократии. Каждая из этих форм была прекрасна, выбирали на правление всегда лучших и доблестных, поэтому Афины показали всем народам, как в каждой форме правления существовать лучшим образом, и другие народы копировали эти формы, если они соответствовали их характеру. Про современные ему Афины Аристид заявляет, что ситуация совсем прекрасна: «...сейчас есть все причины утверждать, что Афины превосходят все другие города не только в каждой отдельной форме правления, но и в смешении форм правления (*krasin ton politeion*)» («Panathenaic Oration» 388 — Aelius Aristides, Trapp, 2017: 312–313). Употребляя термин *krasis*, Аристид рассказывает о природе этого слияния:

Как и наш космос, согласно древней теории, был создан из комбинации [*suneste*, от глагола *sunistemi*, как у Полибия] четырех элементов, а каждый из них, в свою очередь, имеет долю других в себе и получает свое название от того, чего больше в нем, так и формы правления, насколько бы резко они ни отличались друг от друга, должны каким-то образом иметь элементы других в себе, если мы хотим увидеть настоящие и справедливые монархию (*basileian orthen kai dikaian*), олигархию [букв. «правление немногих», *ton oligon*], а равно и демократию [букв. — «правление многих», *pollon archen*]⁴¹.

⁴¹Aelius Aristides, Trapp, 2017: 312–313. Согласно комментарию к этому месту в английском переводе, теорию смешения стихий лучше всего выразил Эмпедокл; а тезис о том, что в каждой из четырех стихий есть элементы других, можно найти уже во фрагментах Анаксагора, утверждавшего, что во всем заключается часть всего (фр. 6 и 11–12 по Дильсу-Кранцу).

Получается, что *krasis* — это взаимопроникновение и слияние настолько, что в каждой форме правления, бывшей в Афинах когда-то в чистом виде, можно было увидеть элементы других уже тогда.

Ученые подсказывают, что эту речь Аристиды можно лучше понять, если ее сравнить с похвалой Афинам, как она представлена в знаменитой надгробной речи Перикла у Фукидида. Аристид на поверхностно-явном уровне утверждает две вещи, отличающие его аргумент от представлений Фукидида (Oudot, 2008). Дела афинян, которые теперь надо восхвалять, по сравнению со временами Перикла нельзя назвать военными подвигами, внушающими соседям страх. Нет, теперь это культура и речи; можно сказать, что теперь самые доблестные дела — это мирные речи (включая речь самого Аристиды), покоряющие своей мягкой силой. Во-вторых, Аристид повторяет строки Плутарха из *Politika parangelmata* (лат. *Præcepta gerendae reipublicae*, рус. «Наставления о государственных делах» — 17 (813e, 814b)) про разумное поведение нынешних греков: не стоит сейчас повторять великие дела по-перикловски и тем самым гневить римлян и их наместников (Плутарх, Боровский, 1983: 607–608; «Precepts of Statecraft» — Plutarch, Fowler, 1936: 236–239). Афины теперь — лидер всех греческих городов, так как они пример единодушия (греч. *homonoia*, лат. *concordia*), и поэтому они даже стали прообразом Рима, который тоже сейчас при благих императорах Антонине Пии и Марке Аврелии, во времена правления которых была произнесена эта речь, достиг устойчивого мира и законности.

В своих похвальных речах для Афин и Рима Аристид подчинялся требованиям жанра, который указывавшего, что нельзя обойти стороной тему смешанного правления (Fontanella, 2008: 211)⁴². Так, в этой части его речи можно увидеть сходство с Полибием, который заметил во «Всемирной истории» (Polyb. Hist. 6.11.12), что Рим II века до н. э. выглядел то монархией, то аристократией, то демократией в зависимости от того, на какие его политические институты обратить внимание. Но, как мы знаем, *krasis* в похвале Риму отражает идею монолита, где над всем господствует император. А в похвале Афинам не упоминается герусия, аристократический орган власти, но есть лишь отсылка к *oligoi* — немногим правящим; возможно, так Аристид намекал, что он указывает на всех тех греков из провинциальной элиты, которые

⁴²Сноска 26 в этом источнике отсылает, например, к руководству по эпидейктическому красноречию Менаандра из Лаодикеи. См. также Aalders, 1968: 127.

были частью аппарата императорской власти (*ibid.*: 212). Да, на манифестном уровне Аристид говорит, что Афины — лидер всех греков в империи, которую можно даже назвать «всемирной демократией», но на латентном уровне с помощью специальных фигур речи он намекает, что есть реальность насилия и завоевания, о которой оратор не может сказать открыто (Марков, 2013: 59; Pernot, 2008: 192–193).

Лоран Перно первым написал про то, как с помощью изящных приемов Второй софистики (это, например, оговорки или перегибы) Аристид во внешне суперхвалебной речи говорит о слоне в посудной лавке (господство необразованного Рима над культурными греками есть результат завоевания, которому было невозможно противостоять). Однако он также замечает, что для понимания эмоциональной позиции Аристида по отношению к Риму надо помнить, что во время поездки туда он сильно заболел и долго потом лечился в храме Асклепия в Пергаме. Результатом этого стали знаменитые «Священные речи» — одна из первых автобиографий, где описание деталей болезней и врачебной практики перемежаются с самоанализом и повествованием о греческой культуре того времени (*ibid.*: 176). Поклонение Асклепию и следование советам, которые это божество давало Аристиду во сне, спасли его, поэтому он их и записал. Асклепий спас Аристида и от того, чтобы заискивать перед римскими императорами: например, в его снах его призывают и Антонин Пий, и Марк Аврелий, но он делает неслыханное — отказывается целовать императора как подданный или ехать на встречу с ним по первому же его зову. И то, и другое он делает, ссылаясь на волю Асклепия. В этих строках можно увидеть, по примечанию Перно, Аристида как противника лизоблюдства по отношению к императорам и после этого не до конца верить его хвалебным речам.

Но в этих эпизодах также проявляется и другая сторона *krasis*. Дело в том, что этим термином обозначалось и смешение 4 гуморов в теле каждого человека, которое определяло его темперамент⁴³. Медицинская практика того времени связана с купаниями, омовениями, кровопусканиями, и Аристид в своих «Священных речах» все это детально описывает в применении к себе. Гален, величайший врач гиппократовской школы, как раз канонизировал эти практики примерно в то же самое время в своих книгах (Brockmann, 2016: 123–124). Псевдо-гиппократовский

⁴³Phusis, ethos, charakter, psuche и *krasis* использовались как синонимы для обозначения того, что с позиций психологии мы теперь называем личностью, а с позиций философии — природой человека (Berdowski, 2020: 24, fn. 43).

трактат «О диете» утверждал уже до этого, что для каждого человека характерен свой индивидуальный *krasis* 4 гуморов, поэтому надо следить за здоровьем в соответствии со временем года: например, если в теле человека мокрое и теплое преобладает над сухим и холодным, то в сезон весенних дождей надо особенно опасаться за его здоровье, в то время как сухая осень, наоборот, дает такому телу нужный баланс (Schluderer, 2018: 47). Диета — один из способов гармонизировать себя с космосом. Надо поддерживать баланс четырех основных элементов — горячего и холодного, мокрого и сухого, — из которых все состоит, как это описали еще натурфилософы, а потом повторил Аристотель в своей теории смесей.

Ситуация, когда один элемент в теле начинает преобладать над другими, называлась *monarchia*; она вела к болезни, проявляющейся в дисбалансе стихий в организме⁴⁴. Соответственно, когда Аристид называет слияние элементов правления *krasis* в описании как Рима, так и Афин его времени, где все контролирует монарх-принцепс, — не есть ли это понятный всем в то время простой укор: если один элемент смеси так контролирует другие в теле — это очевидная болезнь?

Если это так, то Дион с его привязанностью к термину *mixas*, а не *krasis*, похоже, говорит о балансе форм правления или об особенно сбалансированной форме правления. Конечно, в отличие от Аристида, он не настолько чтит Асклепия, чтобы опираться на используемую им метафорику слияния гуморов в организме. Добавим, что, как сын сенатора, прошедший годы в школе за изучением знаменитых философов и ораторов, Дион знал все риторические приемы. И даже если мы не найдем в его тексте эксплицитно поставленной цели превзойти других раторов в речах, он, как сторонник Второй софистики, тоже мог и умел искусно покритиковать императорскую власть в якобы хвалебных словах. И поэтому важно, что в отличие от Плутарха, для которого по большому счету нет разницы в выборе терминов — *krasis* (слияние) или *mixis* (смешивание) — при обсуждении форм правления, Дион предпочитает использовать именно термин «смешивание»: в этом видении различные подсистемы политической системы находятся в отношениях взаимного сдерживания и уравнивания.

⁴⁴Доксография приписала Алкмеону высказывание о *monarchia* и *isonomia* в теле человека; в сохранившихся фрагментах он также говорит о пропорциональном слиянии сил, *summetros ton poion krasis*, как о характеризующем здоровье (см. Schluderer, 2018: 36).

Проблема только в том, что смесь монархии и олигархии без институционализированной независимой роли народа дает стабильность, мир и относительную безопасность лишь на время, пока правят «благие императоры», как показывает история принципата во времена самого Диона. Это и заставило его так превозносить Августа, избавителя Рима от лихолетья и смут, или благих императоров вроде Марка Аврелия. Такая смесь явно лучше, чем простая монархия или постоянные схватки сильных мира сего (дюнастов) по поводу того, кто контролирует страну, но ее нельзя назвать перфектной смесью: отсутствие баланса в политическом теле, как, возможно, и намекал Аристид, неминуемо ведет к хвори.

ПАНЕГИРИК ПО ДИОНУ

Подобно этому мне хочется в последней секции данной статьи не предложить традиционное рассмотрение того, что мы можем почерпнуть из проанализированной истории для решения проблем сегодняшнего дня (например, как ввести смешанное правление сейчас), а задаться иным вопросом: как Дион посмотрел бы на нашу нынешнюю ситуацию? Ясно, что аутентичным ответом на такой вопрос стал бы короткий трактат на древнегреческом, но, не имея возможности осилить такой мощный ответ, я постараюсь изложить на современном русском языке свои предположения о том, как бы он отвечал, получив прорицание у оракула или помолившись богам, принеся им адекватную жертву, освободив время от насущных дел и подготовив достаточно папируса для этого. Конечно, многие наши современники уже пытались использовать параллели со временами Октавиана Августа для формирования либо провокативных, либо критических аргументов про нашу эпоху⁴⁵. Но Диону это было бы, наверное, не с руки, ведь в древних школах таким практическим искусствам не учили (критика как специальный жанр дискурса появилась после Пьера Бейля). Диону поэтому были бы сподручны формы изложения мысли, привычные для его времени, — например историописание или панегирик. Попробуем представить себе, какой панегирик он бы написал.

Ситуацию 1990-х гг. ему бы очень захотелось описать по модели соревнования дюнастов. Многие пытались тогда захватить государственную машину и направить ее руль в сторону, обеспечивающую рост богатства

⁴⁵См. разбор таких попыток в Марей, 2018: 62–66.

и славы какого-либо одного мощного политика. В англоязычной политологии большое количество трудов написано по поводу феномена *state capture*, и, хотя Диону было бы очень трудно понять, что такое *state* в смысле «государство», а не «состояние», он, наверное, сконцентрировался бы на феноменах, вроде аукциона по поводу «Связьинвеста» или залоговых аукционах (в результате которых, например, Норильский ГМК поменял собственника). То есть его заинтересовали бы ситуации, когда влиятельные бизнесмены пытались использовать связи, деньги и мощь клики, их поддерживающей, для того чтобы еще больше прирасшить свои богатство и влияние, а также мощь клики и в пределе затмить других таких же влиятельных бизнесменов как в славе, так и в мощи.

Переводчики с русского на древнегреческий объяснили бы Диону, наверное, что термин «силовики» не был в 1990-е гг. аналогом *hoi dunatoi* («власть предержажие») или *dunatoterói* («те, кто был сильнее», т. е. наиболее сильные либо мощные люди, власть предержажие или пытающиеся ее захватить и удержать). Термин «силовики» не был бы и составной частью русского перевода термина *dunasteiai* (из «Римской истории» 52.1.1, где это означает «власть дюнастов»). При всем желании перевести термины, связанные с древнегреческим словом *dunamis*, с помощью терминов, происходящих от русского слова «сила», этого не стоит делать: бывшие генералы госбезопасности работали начальниками охраны, например, первый зампред КГБ СССР Филипп Бобков возглавлял охрану группы компаний «Мост» Владимира Гусинского, а последний председатель КГБ РСФСР Виктор Иваненко охранял и лоббировал интересы компании «Юкос», которая перешла с его помощью под контроль Михаила Ходорковского. МВД было сильнее, чем ФСБ, и Диону было бы интересно рассмотреть, какие офицеры входили в клики каких сильных магнатов.

Единственный, кто соединял в своей фигуре военную силу и политическую мощь, был первый консул, разогнавший не подчинявшийся его приказам и указам российский аналог Сената или герусии в 1993 г. Лидеры старого Сената пытались ему противостоять, опираясь на нескольких других генералов, но их попытка стать дюнастами провалилась, когда они проиграли в прямом военном столкновении. Диону, наверное, была бы интересна попытка первого консула создать дуумвират с единственным другим политиком, который воплощал в себе и военную мощь, и политическое влияние, — т. е. с генералом Лебедем. Правда, он не обладал собственной частной армией или легионами под своим командованием, находящимися рядом со столицей или в ней самой

(а другой генерал — Коржаков — создал преторианскую гвардию для первого консула), и к тому же скоро удобно погиб. Как и все римляне имперского периода, привыкшие к отравлениям и внезапным смертям или исчезновениям, Дион заподозрил бы в этом случае неладное. Но такие подозрения — удел древних нецивилизованных людей.

Ситуация поменялась в связи с передрягами, случившимися со страной после резкого обесценения монеты в 1998 г. и хаоса в администрировании страны: главный консул постоянно болел, чаще всего не был способен договориться об общей политике с Сенатом, долго не мог снять зарвавшегося прокурора и де факто терпел, что некоторые провинции либо вообще не признавали власть центра и жили по своим военным обычаям и религиозным законам, либо заключали с ней выгодные договоры вроде *foedus* (подтверждение своего участия в федерации в обмен на налоговые и другие льготы и поблажки). Начальники отдельных провинций решили, что пришло время путем голосования народа и пакта в Сенате сместить первого консула как недееспособного и слабеющего лидера. Название их партии было далеко от партий цирка или ипподрома в Риме и Византии (голубых и зеленых в России того времени не было), но сама эта партия обозначила себя как собрание всех сторонников отечества, т. е. *patria* по-латински, поэтому назовем их Патриархами. Они говорили, что они выступают за возвращение заслуженных и ответственных отцов нации на позиции реальной центральной, а не провинциальной власти. Только тогда, как им казалось, Россия снова бы стала здоровой и цельной. У Патриархов была большая фракция в российском аналоге Сената, и они контролировали небольшие провинциальные армии милиционеров, а иногда и самоорганизовавшихся бандитов.

Русское слово «олигархи» в контексте того времени тоже бы было неудачно переводить на древнегреческий с помощью термина *oligoi*, так как если и считать, что во времена лихих 1990-х гг. в стране установился режим *oligarchia*, то он был почти во всех умах связан только с именами семи всем известных ростовщиков или магнатов того времени. Дело в том, что пресса и молва тогда называла русским словом «олигархи» прежде всего концентрацию экономической власти, но не применяла этот термин к реальной олигархии в древнегреческом понимании этого слова, которая сложилась вокруг первого консула. Дион опирался на Аристотеля и знал, что дюнастией последний называл четвертый, самый узкий и жесткий, тип олигархии — тот, где правят указы, а не законы, а места наследуются по семейному принципу. Поэтому неудивительно,

что некоторые семейные назначения были характерны в тот момент и для политической верхушки власти в Кремле. Впрочем, близость к тому, что называлось в прессе «семьей», помогало и в бизнесе, если не гарантировало успех.

Диону было бы любопытно посмотреть на то, как олигархия, не имея легитимных средств для введения родственного наследования власти от стареющего лидера-гегемона, решила перейти к организации выборного наследования. Были обсуждены и испробованы многие кандидатуры в наследники, но выбор пал в конце концов на одного из офицеров не самой сильной на тот момент фракции преторианцев. Из-за угрозы, что к власти могла прийти партия Патриархов — отцов нации, выборы нового лидера были отчасти организованы как аккламация. Наверное, это было правильно, с точки зрения Диона, всегда предпочитавшего наименьшее зло в сфере нелегких, но реалистичных политических решений. Коалиция дюнастов из соперничающей с нынешней властью партии Патриархов, наверное, быстро бы развалилась, если бы они сами пришли к власти: вместо триумvirата главных лидеров этой партии страна, вероятно, скоро бы увидела столкновение между этими мощными личностями за первое место во власти. К тому же угроза смут и гражданской войны, как и возможного будущего преследования членов «семьи» первого консула, когда он будет смещен, требовала действий со стороны старой правящей элиты. Стать снова всего лишь одной из групп дюнастов не хотелось никому из тех, кто пока что занимал номинальные места во власти, да и страну надо было спасать от раздоров, хаоса и, как говорили многие прорицатели, от развала.

Старый первый консул назвал кандидатуру нового первого консула незадолго до окончания срока своих полномочий, и легитимные власти в центре страны сделали все, чтобы российский аналог комиций проголосовал со временем за кандидатуру нового консула. Последний стал популярен за счет обещания, во-первых, провести успешную войну с теми провинциями, которые пытались отколоться от страны, и, во-вторых, навести порядок в стране, где иногда разбойничьи шайки или губернаторские клики контролировали целые куски провинциальной жизни.

Новоизбранный первый консул, сначала зависевший от поддержки «семьи» своего предшественника и близких им магнатов, со временем реформировал основы экономической жизни страны, добился роста доходов казны и стал опираться на верных уже ему магнатов и на усилившуюся благодаря ему часть преторианской гвардии, из которой он вышел. Успешная война на юге страны, насколько бы иногда ни

были чувствительны отдельные поражения во время нее, усилила его популярность среди народа. Тому же способствовали и его меры по увеличению расходов бюджета на поддержку низших слоев населения, на воссоздание системы лечебниц и на помощь пожилым. Реформа того, что в наследство досталось ему под названием «милиция» и давно уже не представляло собой народное ополчение, и превращение ее в профессиональную полицию незначительно повлияли на организацию работы этой страты силовиков, зато сделали всем понятным, что теперь и этот централизованный аппарат насилия подчиняется одному человеку. Чиновники 1990-х гг., уставшие от недофинансирования и хаоса, с радостью поддержали новую власть. Страна, как казалась, стала более управляемой, кроме того, у нее появились средства на то, чтобы и гарантировать раздачу многим людям российских аналогов римского императива «хлеба и зрелищ», и вкладываться в серьезные проекты, вроде строительства аналогов римских акведуков или дорог.

Дион поддержал бы эту трансформацию всем своим сердцем. Вместо ситуации лихих 90-х гг., когда дюнасты могли мериться силой, пытаясь захватить верховную власть, ведя страну на грань гражданской войны и развала, он увидел бы так любимую им смесь монархии и демократии. Власть аристократии, т. е. Сената, была радикально ограничена за счет создания как системы номинирования принципсом кандидатов в члены Сената, так и системы предложения им законов для голосования в нем. Наконец-то страна управлялась не приказом или указом, а законом. Дион, наверное, даже поддержал бы формулировку «диктатура закона», которую его современники в Риме почему-то не придумали. Да, критики образовавшаяся системы говорили бы, что вместо смеси монархии и демократии есть смесь монархии и олигархии, сложившейся вокруг основных позиций политической и экономической мощи в центре и провинциях. Но ответ им можно было легко найти в дионовских строках о том, почему простые люди поддерживали принцепса (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 330):

[он] дал им порядок и безопасность, так что они, избавленные и от разнузданности, которая присуща демократии, и от глумления, коим сопровождается тирания, жили в условиях разумной свободы и монархии, не внушающей страха, подчинялись монарху, но при этом не были его рабами, пользовались благами демократии, но при этом не погрязли в расприях.

Управляемость такой демократии наконец гарантировала стабильность и предсказуемость, а ее суверенность гарантировала безопасность от посягательств внешних держав.

Единственное, чему Дион, наверное, не обрадовался бы, — реформа конституции, когда вместо разного рода властей, хотя бы на бумаге отличающихся друг от друга, противостоящих друг другу и не всегда подконтрольных первому консулу, была создана единая система публичной власти, объединявшая власти от муниципалитетов до федеральных чиновников и судов в единое слияние, *krasis*, центром силы которого теперь и стал этот консул. Так как Дион имплицитно настаивал в своих книгах на том, чтобы *monarchia* и *demokratia* смешивались по модели *mixis*, а не *krasis*, он бы был скептичен по поводу слияния всех органов и уровней власти в один сплав, или сгусток, мощи или силы, если не насилия.

Но то, что вместо выборов теперь всегда и последовательно-систематично практиковалась аккламация, не сильно волновало бы Диона. Советы Мецената из его 52 книги о том, как вести себя правителю, отлично пересказал Клиффорд Андо (см. изложение выше в данном тексте). Опираясь на них, добродетельный принцепс может уберечь всех от многих бед и войти в историю как один из благих императоров, спасших страну от смут и угроз и правивших мудро в интересах всех. На фоне постоянно повторяющейся династической угрозы или возможной гражданской войны такое правление было бы, по Диону, безусловно оправдано. Проблема, правда, как знал Дион, заключается в том, что на смену благим императорам приходят не лучшие или что и благие императоры могут развязать неудачную войну и стать, таким образом, не лучшими в глазах тех, кто их поддерживает, особенно если существует процесс реальной, а не номинальной аккламации императора в войсках и он ставит его авторитет и власть под угрозу.

Правда, если бы Дион выучил русский, он знал бы, что слово «случай» образовано отчасти как калька по модели греческого термина *suntuchia*, согласно этимологическому словарю Фасмера⁴⁶. Это то, что сопутствует древнегреческой богине Тюхе, — счастливый или несчастливый поворот событий. Тюхе в древнеримской мифологии называлась Фортуной, символом обеих стало колесо. «С-лучай» — это то, что происходит по воле Тюхе. Вернее, это то, что будет по воле судьбы, учитывая, что термин происходит от древнерусского термина «лучаи», который

⁴⁶<https://lexicography.online/etymology/vasmer/c/случай>

означал «судьба» и отголоски которого мы, например, слышим в нашем слове «благополучие». Этимологические словари Семёнова и Шанского говорят: и слово «лучший», аналога которого нет в других славянских языках, образовано от того же корня и связано с этой идеей благого случая, благого поворота судьбы, а не выбора человека⁴⁷. Поэтому Дион был бы спокоен: судьба хранит Россию от не лучших первых консулов.

СОКРАЩЕНИЯ

- Amm. Marc. Hist. *Ammianus Marcellinus*. History : in 3 vols. / trans. from the Ancient Greek by J. C. Rolfe. — London, Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1939–1950. — (Loeb Classical Library ; 300, 315, 331).
- Ar. Top. *Aristoteles*. Topica // Aristotle in Twenty-Three Volumes. Vol. 10. Posterior Analytics. Topica / trans. from the Ancient Greek by H. Tredennick, E. S. Forster. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1960. — (Loeb Classical Library ; 391).
- Arist. Gen. corr. *Aristotle*. On Sophistical Refutations. On Coming-to-be and Passing Away. On the Cosmos / trans. from the Ancient Greek by E. S. Forster, D. J. Furley. — 1955. — (Loeb Classical Library ; 400).
- Arist. Pol. *Aristotle*. Politics / trans. from the Ancient Greek by H. Rackham. — 1932. — (Loeb Classical Library ; 264).
- DI Corpus Iuris Civilis. Vol. 1. Digesta Iustiniani / ed. by T. Mommsen. — Berlin : Weidmann, 1872.
- Dio Cass. Hist. rom. *Dio Cassius*. Roman History : in 9 vols. / trans. from the Latin by E. Cary, H. B. Foster. — London, Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1914–1927. — (Loeb Classical Library ; 32, 37, 53, 66, 82, 83, 175, 176).
- Dion. Hal. Ant. Rom. *Dionysius of Halicarnassus*. Roman Antiquities. In 7 vols. Vol. 1. Books 1–2 / trans. from the Ancient Greek by E. Cary. — London, Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1937. — (Loeb Classical Library ; 319).
- Philostr. VA *Philostratus*. Apollonius of Tyana : in 3 vols. / trans. from the Ancient Greek by C. P. Jones. — London, Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2005–2006. — (Loeb Classical Library ; 16, 17, 458).

⁴⁷См. <https://lexicography.online/etymology/semyonov/л/лучший> и <https://lexicography.online/etymology/shansky/л/лучший>. Ср. рус. «лучший» с серб. «најбоље», слов. najboljši, укр. «найкращий», белор. «лепшы», польск. najlpsze, чешск. nejlepší.

- Pl. Leg. *Plato. Leges // Platonis opera. In 5 vols. Vol. 5 / ed. by J. Burnet. — Oxford : Clarendon Press, 1907.*
- Plut. Sull. *Plutarch. Lives. In 11 vols. Vol. IV. Alcibiades and Coriolanus. Lysander and Sulla / trans. from the Ancient Greek by B. Perrin. — London, Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1916. — (Loeb Classical Library ; 80).*
- Polyb. Hist. *Polybius. The Histories : in 6 vols. / trans. from the Latin by W. R. Paton. — London, Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2010–2012. — (Loeb Classical Library ; 137, 138, 159, 160, 161).*
- Tac. Hist. *Tacitus. Histories : in 5 vols. / trans. from the Latin by C. M. Moore. — London, Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1925–1937. — (Loeb Classical Library ; 35, 249, 312, 322).*
- Thuc. *Thucydides. History of the Peloponnesian War. In 4 vols. Vol. 1. Books 1–2 / trans. from the Ancient Greek by C. F. Smith. — London, Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1919. — (Loeb Classical Library ; 108).*

ЛИТЕРАТУРА

- Аристид Э.* Священные речи. Похвала Риму / под ред. М. Л. Гаспарова ; пер. с древнегреч. С. И. Межеричкой. — М. : Ладомир, 2006.
- Аристотель.* Топика / пер. с древнегреч. Э. Н. Микеладзе // Сочинения. В 4 т. Т. 4. — М. : Мысль, 1978. — С. 349–531.
- Аристотель.* О возникновении и уничтожении / пер. с древнегреч. Т. А. Миллер // Сочинения. В 4 т. Т. 3 / коммент. И. Д. Рожанского ; предисл. И. Д. Рожанского. — М. : Мысль, 1981. — С. 379–440.
- Аристотель.* Политика / пер. с древнегреч. А. И. Доватура // Сочинения. В 4 т. Т. 4. — М. : Мысль, 1983. — С. 375–644.
- Вальденберг В.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2015.
- Исократ.* Малые аттические ораторы. Речи. Письма / под ред. Э. Д. Фролова ; пер. с древнегреч. В. Г. Андреева, М. Н. Боруховича, Л. М. Ботвинника. — М. : Ладомир, 2013.
- Как возникли бело-голубые / Интернет-газета «Петровка, 38». — 17.01.2023. — URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/kak-voznikli-belo-golubye> (дата обр. 7 февр. 2023).
- Кассий Дион Кожкейан.* Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. А. В. Махалюка. — СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, Нестор-История, 2011.

- Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LI–LXIII / пер. с древнегреч. А. В. Махалюка, К. В. Маркова, Е. А. Молева, Н. Ю. Сивкиной. — СПб. : Нестор-История, 2014.
- Марей А. В.* О князьях и государях // *Полития*. — 2018. — Т. 90, № 3. — С. 50–73.
- Марков К. В.* Единовластие как «подлинная демократия» в трудах греческих авторов времен Второй софистики : ирония, иллюзия, утопия или идеал? // *Вестник древней истории*. — 2013. — Т. 3, № 286. — С. 52–74.
- Маслов Б.* Конструкции достоинства : русское слово и понятие в сравнительно перспективе // *Жить с достоинством* / под ред. О. В. Хархордина. — СПб. : ЕУСПб, 2019. — С. 14–42.
- Платон.* Законы / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова // *Собрание сочинений*. В 4 т. Т. 4 / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М. : Мысль, 1994. — С. 71–437.
- Плутарх.* О подавлении гнева / пер. с древнегреч. Я. М. Боровского. — М. : Художественная литература, 1983.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Т. 2 / пер. с древнегреч., под ред. С. С. Аверинцева. — М. : Наука, 1994а.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Т. 1 / пер. с древнегреч., под ред. С. С. Аверинцева. — М. : Наука, 1994б.
- Полибий.* Всемирная история. В 3 т. Т. 2. Всемирная история. Книги VI–XXV / пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко. — СПб. : Наука, Ювента, 1995.
- Светоний Гай Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей / пер. с лат. М. Л. Гаспарова. — М. : Наука, 1993.
- Тацит.* Анналы. Малые произведения. Т. 1 / пер. с лат. А. С. Бобовича, Я. М. Боровского, М. Е. Сергеевко. — Л. : Наука, 1969.
- Филострат Ф.* Жизнь Аполлония Тианского / пер. с древнегреч., под ред. Е. Г. Рабиновича. — М. : Наука, 1985.
- Цицерон Марк Туллий.* Диалоги. О государстве. О законах / под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна, С. Л. Утченко ; пер. В. О. Горенштейна. — М. : Наука, 1966.
- Юдин Г.* Россия как плебисцитарная демократия // *Социологическое обозрение*. — 2021. — Т. 20, № 2. — С. 9–47.
- Aalders G. J. D.* Die Theorie der gemischten Verfassung im Altertum. — Amsterdam : Hakkert, 1968.
- Aalders G. J. D.* Plutarch's Political Thought. — Amsterdam : North-Holland Publishing, 1982.
- Aalders G. J. D.* Cassius Dio and the Greek World // *Mnemosyne*. — 1986. — Vol. 39, no. 3/4.
- Aelius Aristides.* Orations. Panathenaic Oration / ed. and trans. from the Latin by M. Trapp. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2017. — (Loeb Classical Library ; 533).

- Ando C.* Cassius Dio on Imperial Legitimacy, from the Antonines to the Severans // Cassius Dion : nouvelles lectures / ed. by V. Fromentin, E. Bertrand, M. Coltelloni-Trannoy. — Bordeaux : Ausonius, 2016. — P. 567–577.
- Baehr P.* Caesarism, Charisma and Fate. — New Brunswick, NJ : Tavistock, 2008.
- Bellissime M.* Polysémie, contextualisation, re-sémantisation : à propos de μοναρχία et de δημοκρατία // Cassius Dion : nouvelles lectures / ed. by V. Fromentin, E. Bertrand, M. Coltelloni-Trannoy. — Bordeaux : Ausonius, 2016. — P. 529–541.
- Berdowski P.* Violence as an Interpretive Category in Cassius Dio : The Terror under Sulla in 82 BCE // Cassius Dion : The Impact of Violence, War, and Civil War / ed. by C. H. Lange, A. G. Scott. — Leiden : Brill, 2020. — P. 15–45.
- Blythe J. M.* Ideal Government and the Mixed Constitution in the Middle Ages. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 1992.
- Brockmann C.* A God and Two Humans on Matters of Medicine : Asclepius, Galen and Aelius Aeresides // In Praise of Asclepius / ed. by D. A. e. a. Russel. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2016. — P. 115–127.
- Carsana C.* La teoria della «Costituzione Mista» nell'età imperiale romana. — Como : New Press, 1990.
- Carsana C.* La teoria delle forme di governo : il punto di vista di Cassio Dione sui poteri di Cesare // Cassius Dion : nouvelles lectures / a cura di V. Fromentin, E. Bertrand, M. Coltelloni-Trannoy. — Bordeaux : Ausonius, 2016. — P. 545–558.
- Cooper J. M.* A Note on Aristotle and Mixture // Aristotle, On Generation and Corruption, I. Symposium Aristotelicum / ed. by F. de Hass, J. Mansfeld. — Oxford : Clarendon, 2004.
- Dio Cassius.* Roman History. Vol. 4. Books XLI–XLV / ed. by E. Cary ; trans. from the Ancient Greek by E. Cary, H. B. Foster. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1916.
- Espinosa Ruiz U.* Debate Agrippa-Mecenas en Dión Casio: respuesta senatorial a la crisis del Imperio Romano en época severiana. — Madrid : Universidad Complutense, 1982.
- Fontanella F.* The Encomium On Rome As a Response to Polybius' Doubts About the Roman Empire // Aelius Aristides between Greece, Rome, and the Gods / ed. by W. V. Harris, B. Holmes. — Leiden, Boston : Brill, 2008.
- Fotiou A. S.* Dicaearchus and the Mixed Constitution in Sixth Century Byzantium : New Evidence from a Treatise on “Political Science” // Byzantium. — 1981. — Vol. 51, no. 2. — P. 533–547.
- Frede D.* On Generation and Corruption 1. 10 : On Mixture and Mixables // Aristotle, On Generation and Corruption, I. Symposium Aristotelicum / ed. by F. de Hass, J. Mansfeld. — Oxford : Clarendon, 2004. — P. 289–314.
- Freyburger-Galland M.-L.* ΔΥΝΑΣΤΕΙΑ chez Dion Cassius // Ktêma : civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques. — 1996. — T. 21, n° 1. — P. 23–27.

- Hollard V.* Monarchie et Démocratie dans l'analyse du Principat d'Auguste par Dion Cassius / HAL science ouverte. — 2015. — URL : <https://hal.science/hal-02469153> (visité le 7 fév. 2023).
- Illés G., Gyulai A., Körösiényi A.* The Orbán Regime: Plebiscitary Leader Democracy in the Making. — London : Routledge, 2020.
- Kaldellis A.* The Byzantine Republic: People and Power in the New Rome. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2015.
- Kemezis A. M.* Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans : Cassius Dio, Philostratus and Herodian. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014.
- Lindholmer M.* Cassius Dio and the Age of *δυναστεία* // Greek, Roman and Byzantine Studies. — 2018. — Vol. 58, no. 4. — P. 561–590.
- Macintyre A.* After Virtue. — University of Notre Dame Press : Notre Dame, IN, 2007.
- Madsen J.* Cassius Dio and the Ideal Constitution // The Intellectual Climate of Cassius Dio / ed. by A. Kemezis et al. — Leiden : Brill, 2022. — P. 80–108.
- Markov K.* The Concepts Of “Democracy” And “Tyranny” In The Speech Of Agrippa In Cassius Dio 52.1–13 : Conventional Rhetoric Or Political Theory? // *Ruthenia classica aetatis nova : A Collection of Works by Russian Scholars in Greek and Roman History* / ed. by A. Mehl, A. Makhlayuk, O. Gabelko. — Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2013. — P. 215–231.
- Markov K.* Monarchy as “True Democracy” in Cassius Dio and the Second Sophistic Authors : Irony, Utopia, or Ideal? // *The Intellectual Climate of Cassius Dio* / ed. by A. Kemezis et al. — Leiden : Brill, 2022. — P. 109–137.
- McConnell S.* Cicero and Dicaearchus // *Oxford Studies in Ancient Philosophy*. — 2012. — Vol. 42. — P. 307–349.
- Millar F.* A Study of Cassius Dio. — Clarendon : Oxford, 1964.
- Montanari E.* Κράσις ε μίξις. Un itinerario semantico e filosofico. Parte prima : dalle origini ad Eraclito. — Firenze : CLUSF, 1979.
- Morstein-Marx R.* Julius Caesar and The Roman People. — Cambridge : Cambridge University Press, 2021.
- Oudot E.* Aelius Aristide and Thucydides : Some Remarks About The Panathenaic Oration // *Aelius Aristides between Greece, Rome, and the Gods* / ed. by W. V. Harris, B. Holmes. — Leiden, Boston : Brill, 2008.
- Pade M.* The Reception of Plutarch from Antiquity to the Italian Renaissance // *A Companion to Plutarch* / ed. by M. Beck. — Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2014. — P. 529–543.
- Pernot L.* Aelius Aristides and Rome // *Aelius Aristides between Greece, Rome, and the Gods* / ed. by W. V. Harris, B. Holmes. — Leiden, Boston : Brill, 2008.
- Pina Polo F.* Procedures and Functions of Civil and Military contiones in Rome // *Klio*. — 1995. — Vol. 77. — P. 307–349.
- Plutarch.* *Moralia*. Vol. 10 / trans. from the Ancient Greek by N. H. Fowler. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1936. — (Loeb Classical Library ; 321).
- Prutsch M.* Caesarism in the Post-Revolutionary Age. — London : Bloomsbury, 2020.

- Reinhold M.* From Republic to Principate : An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 49–52 (36–29 BC). — Atlanta, GA : Scholars Press, 1988.
- Rowe C.* The Peripatos After Aristotle // The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought / ed. by C. Rowe, M. Schofield. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000. — P. 390–395.
- Schluderer L. R.* Imitating the Cosmos : The role of Microcosm-Macrocosm Relationships in the Hippocratic Treatise on Regimen // The Classical Quarterly. — 2018. — Vol. 68, no. 1. — P. 31–52.
- Sharvy R.* Aristotle on Mixtures // The Journal of Philosophy. — 1983. — Vol. 80, no. 8. — P. 439–457.
- Swan P. M.* The Augustan Succession : An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 55–56 (9 BC – AD 14). — Oxford : Oxford University Press, 2004.

Kharkhordin, O. V. 2023. "Kak soyedinit' monarkhiyu s demokratiyey [How to Mix Monarchy with Democracy]: retsepty rimskoy istorii [Precepts from Roman History]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (1), 62–127.

OLEG KHARKHORDIN

PHD IN POLITICAL SCIENCE, PROFESSOR

THE EUROPEAN UNIVERSITY AT SAINT PETERSBURG (SAINT PETERSBURG, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-8241-8600

HOW TO MIX MONARCHY WITH DEMOCRACY

PRECEPTS FROM ROMAN HISTORY

Submitted: Feb. 10, 2023. Reviewed: Feb. 28, 2023. Accepted: Mar. 10, 2023.

Abstract: The article deals with several aspects of the theory of mixed government (mixed constitution), given that many scholars, including Max Weber, considered such phenomenon of modern political systems as Caesarism to be a mix of monarchy and democracy. In the beginning an analysis of a famous statement from the "Roman History" of Cassius Dio (who wrote that Augustus has "mixed monarchy with democracy") is provided. Such terms from Ancient Greek as *demokratia* and *monarchia* had a very specific meaning during the time of writing of this book, i. e. 220–230 CE. But apart from studying the peculiarities of the historical meanings of the terms used to designate these forms of rule what is important is also how their juxtaposition or mixing was theorized. The article studies different terms used in such interpretations. Briefly, the term *krasis* meant a fusion of the components and thus a creation of a new substance with new qualities and homogeneity, while the term *mixis* could also mean that the components of the mixture retained their distinct existence, though acquiring an ability to influence each other. The second version of conceptualizing mixes eventually served as the basis for a famous theory of checks and balances within a political regime. Thus Dio, one could argue, uses the term *mixis* rather than *krasis*— and this makes him different

from the other authors of the school of the Second Sophistic—because he wants to stress that one form of rule should check and balance another form, and they should not constitute a total fusion within a uniform political regime. In the end of the article, the conceptual vocabulary of Dio is tested in its felicity while describing present day political phenomena.

Keywords: Mixed Government, Caesarism, Cassius Dio, Augustus, Aristotle on Mixtures.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-62-127.

REFERENCES

- Aalders, G. J. D. 1968. *Die Theorie der gemischten Verfassung im Altertum* [in German]. Amsterdam: Hakkert.
- . 1982. *Plutarch's Political Thought*. Amsterdam: North-Holland Publishing.
- . 1986. "Cassius Dio and the Greek World." *Mnemosyne* 39 (3–4).
- Aelius Aristides. 2006. *Svyashchennyye rechi. Pokhvala Rimu [Hieroi Logoi. Orationes]* [in Russian]. Ed. by M. L. Gasparov. Trans. from the Ancient Greek by S. I. Mezheritskaya. Moskva [Moscow]: Ladomir.
- . *Panathenaic Oration*. In *Orationes*, ed. and trans. from the Latin by M. Trapp. Loeb Classical Library 533. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ammianus Marcellinus. 1939–1950. *History* [in Ancient Greek and English]. Trans. from the Ancient Greek by J. C. Rolfe. 3 vols. Loeb Classical Library, 300, 315, 331. London and Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Ando, C. 2016. "Cassius Dio on Imperial Legitimacy, from the Antonines to the Severans." In *Cassius Dion : nouvelles lectures*, ed. by V. Fromentin, E. Bertrand, and M. Coltelloni-Trannoy, 567–577. Bordeaux: Ausonius.
- Aristotel' [Aristotle]. 1983. *Politika [Politics]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sochineniya [Collected Works]*, by Aristotle, trans. from the Ancient Greek by A. I. Dovatur, 375–644. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Aristoteles. 1960. *Topica* [in Ancient Greek and English]. In *Posterior Analytics. Topica*, vol. 10 of *Aristotle in 23 Vols*, trans. from the Ancient Greek by H. Tredennick and E. S. Forster. Loeb Classical Library 391. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Aristotle. 1932. *Politics* [in Ancient Greek and English]. Trans. from the Ancient Greek by H. Rackham. Loeb Classical Library 264.
- . 1955. *On Sophistical Refutations. On Coming-to-be and Passing Away. On the Cosmos* [in Ancient Greek and English]. Trans. from the Ancient Greek by E. S. Forster and D. J. Furley. Loeb Classical Library 400.
- . 1978. *Topika [Topica]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sochineniya [Collected Works]*, trans. from the Ancient Greek by Z. N. Mikeladze, 349–531. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1981. *O vozniknovenii i unichtozhenii [On Generation and Corruption]* [in Russian]. In vol. 3 of *Sochineniya*, comm. by I. D. Rozhanskiy, trans. from the Ancient Greek by T. A. Miller, with a forew. by I. D. Rozhanskiy, 379–440. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Baehr, P. 2008. *Cesarism, Charisma and Fate*. New Brunswick, NJ: Tavistock.
- Bellisime, M. 2016. "Polysémie, contextualisation, re-sémantisation: à propos de μοναρχία et de δημοκρατία." In *Cassius Dion : nouvelles lectures*, ed. by V. Fromentin, E. Bertrand, and M. Coltelloni-Trannoy, 529–541. Bordeaux: Ausonius.
- Berdowski, P. 2020. "Violence as an Interpretive Category in Cassius Dio: The Terror under Sulla in 82 BCE." In *Cassius Dion : The Impact of Violence, War, and Civil War*, ed. by C. H. Lange and A. G. Scott, 15–45. Leiden: Brill.
- Blythe, J. M. 1992. *Ideal Government and the Mixed Constitution in the Middle Ages*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Brockmann, Chr. 2016. "A God and Two Humans on Matters of Medicine: Asclepius, Galen and Aelius Aeresitides." In *In Praise of Asclepius*, ed. by D. A. et al. Russel, 115–127. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Carsana, Ch. 1990. *La teoria della "Costituzione Mista" nell'età imperiale romana* [in Italian]. Como: New Press.
- . 2016. "La teoria delle forme di governo: il punto di vista di Cassio Dione sui poteri di Cesare" [in Italian]. In *Cassius Dion: nouvelles lectures*, ed. by V. Fromentin, E. Bertrand, and M. Coltelloni-Trannoy, 545–558. Bordeaux: Ausonius.
- Cassius Dio Cocceianus. 2011. *Rimskaya istoriya. Knigi LXIV–LXXX* [*Historia Romana. Libri LXIV–LXXX*] [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by A. V. Makhalyuk. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Filologicheskii f-t SPbGU / Nestor-Istoriya.
- . 2014. *Rimskaya istoriya. Knigi LI–LXIII* [*Historia Romana. Libri LI–LXIII*] [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by A. V. Makhalyuk et al. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nestor-Istoriya.
- Cooper, J. M. 2004. "A Note on Aristotle and Mixture." In *Aristotle, On Generation and Corruption, I. Symposium Aristotelicum*, ed. by F. de Hass and J. Mansfeld. Oxford: Clarendon.
- Dio Cassius. 1914–1927. *Roman History* [in Latin and English]. Trans. from the Latin by E. Cary and H. B. Foster. 9 vols. Loeb Classical Library, 32, 37, 53, 66, 82, 83, 175, 176. London and Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1916. *Books XLI–XLV*. Vol. 4 of *Roman History*, ed. by E. Cary, trans. from the Ancient Greek by E. Cary and H. B. Foster. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Dionysius of Halicarnassus. 1937. *Books 1–2* [in Ancient Greek and English]. Vol. 1 of *Roman Antiquities*, trans. from the Ancient Greek by E. Cary. 7 vols. Loeb Classical Library 319. London and Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Espinosa Ruiz, U. 1982. *Debate Agrippa-Mecenas en Dión Casio: respuesta senatorial a la crisis del Imperio Romano en época severiana* [in Spanish]. Madrid: Universidad Complutense.
- Fontanella, F. 2008. "The Encomium On Rome As a Response to Polybius' Doubts About the Roman Empire." In *Aelius Aristides between Greece, Rome, and the Gods*, ed. by W. V. Harris and B. Holmes. Leiden and Boston: Brill.
- Fotiou, A. S. 1981. "Dicaearchus and the Mixed Constitution in Sixth Century Byzantium: New Evidence from a Treatise on 'Political Science'." *Byzantion* 51 (2): 533–547.
- Frede, D. 2004. "On *Generation and Corruption* I. 10: On Mixture and Mixables." In *Aristotle, On Generation and Corruption, I. Symposium Aristotelicum*, ed. by F. de Hass and J. Mansfeld, 289–314. Oxford: Clarendon.
- Freyburger-Galland, M.-L. 1996. "ΔΥΝΑΣΤΕΙΑ chez Dion Cassius" [in French]. *Ktèma: civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques* 21 (1): 23–27.
- Hollard, V. 2015. "Monarchie et Démocratie dans l'analyse du Principat d'Auguste par Dion Cassius" [in French]. HAL science ouverte. Accessed Feb. 7, 2023. <https://hal.science/hal-02469153>.
- Illés, G., A. Gyulai, and A. Körösenyi. 2020. *The Orbán Regime: Plebiscitary Leader Democracy in the Making*. London: Routledge.
- Isocrates. 2013. *Malye atticheskiye oratory. Rechi. Pis'ma* [*Small Attic Orators. Speeches. Letters*] [in Russian]. Ed. by E. D. Frolov. Trans. from the Ancient Greek by V. G. Andreyev, M. N. Borukhovich, and L. M. Botvinnik. Moskva [Moscow]: Ladomir.
- "Kak voznikli belo-golubyye [How the Blue-white Ones Arose]" [in Russian]. 17.01.2023. Internet-gazeta "Petrovka, 38". Accessed Feb. 7, 2023. <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/kak-voznikli-belo-golubyye>.

- Kaldellis, A. 2015. *The Byzantine Republic: People and Power in the New Rome*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kemezis, A. M. 2014. *Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lindholmer, M. 2018. "Cassius Dio and the Age of $\delta\nu\nu\omicron\sigma\tau\epsilon\lambda\alpha$." *Greek, Roman and Byzantine Studies* 58 (4): 561–590.
- Macintyre, A. 2007. *After Virtue*. University of Notre Dame Press: Notre Dame, IN.
- Madsen, J. 2022. "Cassius Dio and the Ideal Constitution." In *The Intellectual Climate of Cassius Dio*, ed. by A. Kemezis et al., 80–108. Leiden: Brill.
- Marey, A. V. 2018. "O knyaz'yakh i gosudaryakh [About Princes and Sovereigns]" [in Russian]. *Politika [Politeia]* 90 (3): 50–73.
- Markov, K. 2013. "The Concepts Of 'Democracy' And 'Tyranny' In The Speech Of Agrippa In Cassius Dio 52.1–13: Conventional Rhetoric Or Political Theory?" In *Ruthenia classica aetatis nova: A Collection of Works by Russian Scholars in Greek and Roman History*, ed. by A. Mehl, A. Makhluyuk, and O. Gabelko, 215–231. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- . 2022. "Monarchy as 'True Democracy' in Cassius Dio and the Second Sophistic Authors: Irony, Utopia, or Ideal?" In *The Intellectual Climate of Cassius Dio*, ed. by A. Kemezis et al., 109–137. Leiden: Brill.
- Markov, K. V. 2013. "Yedinovlastiye kak 'podlinnaya demokratiya' v trudakh grecheskikh avtorov vremen Vtoroy sofistiki [Monarchy As 'True Democracy' In The Works Of Greek Authors Of The Second Sophistic]: ironiya, illyuziya, utopiya ili ideal? [Irony, Utopia Or Ideal?]" [In Russian]. *Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]* 3 (286): 52–74.
- Maslov, B. 2019. "Konstruktsii dostoinstva [Design Advantages]: russkoye slovo i ponyatiye v sravnitel'no perspektive [Russian Word and Concept in Comparative Perspective]" [in Russian]. In *Zhit' s dostoinstvom [Live with Dignity]*, ed. by O. V. Kharkhordin, 14–42. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: YeUSPb.
- McConnell, S. 2012. "Cicero and Dicaearchus." *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 42:307–349.
- Millar, F. 1964. *A Study of Cassius Dio*. Clarendon: Oxford.
- Mommsen, T., ed. 1872. *Digesta Iustiniani* [in Latin]. Vol. I of *Corpus Iuris Civilis*. Berlin: Weidmann.
- Montanari, E. 1979. *Κρασις ε μίξις. Un itinerario semantico e filosofico. Parte prima: dalle origini ad Eraclito* [in Italian]. Firenze: CLUSF.
- Morstein-Marx, R. 2021. *Julius Caesar and The Roman People*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Oudot, E. 2008. "Aelius Aristide and Thucydides: Some Remarks About The Panathenaic Oration." In *Aelius Aristides between Greece, Rome, and the Gods*, ed. by W. V. Harris and B. Holmes. Leiden and Boston: Brill.
- Pade, M. 2014. "The Reception of Plutarch from Antiquity to the Italian Renaissance." In *A Companion to Plutarch*, ed. by M. Beck, 529–543. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Pernot, L. 2008. "Aelius Aristides and Rome." In *Aelius Aristides between Greece, Rome, and the Gods*, ed. by W. V. Harris and B. Holmes. Leiden and Boston: Brill.
- Philostratus. 1985. *Zhizn' Apolloniya Tianskogo [Vita Apollonii]* [in Russian]. Ed. and trans. from the Ancient Greek by Ye. G. Rabinovich. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 2005–2006. *Apollonius of Tyana* [in Ancient Greek and English]. Trans. from the Ancient Greek by Chr. P. Jones. 3 vols. Loeb Classical Library, 16, 17, 458. London and Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Pina Polo, F. 1995. "Procedures and Functions of Civil and Military contiones in Rome." *Klio* 77:307–349.

- Plato. 1907. *Leges* [in Ancient Greek]. In vol. 5 of *Platonis opera*, ed. by J. Burnet. 5 vols. Oxford: Clarendon Press.
- . 1994. “Zakony [De Legibus]” [in Russian]. In vol. 4 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by Platon [Plato], ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, and A. A. Takho-Godi, trans. from the Ancient Greek by A. N. Yegunov, 71–437. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- Plutarch. 1916. *Alcibiades and Coriolanus. Lysander and Sulla* [in Ancient Greek and English]. Vol. IV of *Lives*, trans. from the Ancient Greek by B. Perrin. 11 vols. Loeb Classical Library 80. London and Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1936. *Moralia*. Trans. from the Ancient Greek by N. H. Fowler. Vol. 10. Loeb Classical Library 321. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- . 1983. *O podavlenii gneva [On The Control of Anger]* [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by Ya. M. Borovskiy. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- . 1994a. [in Russian]. Vol. 1 of *Sravnitel’nyye zhizneopisaniya [Vitae parallelae]*, ed. and trans. from the Ancient Greek by S. S. Averintsev. 2 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 1994b. [in Russian]. Vol. 2 of *Sravnitel’nyye zhizneopisaniya [Vitae parallelae]*, ed. and trans. from the Ancient Greek by S. S. Averintsev. 2 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Polybius. 1995. *Vsemirnaya istoriya. Knigi VI–XXV [Historiae. Libri VI–XXV]* [in Russian]. Vol. 2 of *Vsemirnaya istoriya [Historiae]*, trans. from the Ancient Greek by F. G. Mishchenko. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka, Yuventa.
- . 2010–2012. *The Histories* [in Latin and English]. Trans. from the Latin by W. R. Paton. 6 vols. Loeb Classical Library, 137, 138, 159, 160, 161. London and Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Prutsch, M. 2020. *Cesarism in the Post-Revolutionary Age*. London: Bloomsbury.
- Reinhold, M. 1988. *From Republic to Principate: An Historical Commentary on Cassius Dio’s Roman History, Books 49–52 (36–29 BC)*. Atlanta, GA: Scholars Press.
- Rowe, C. 2000. “The Peripatos After Aristotle.” In *The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought*, ed. by C. Rowe and M. Schofield, 390–395. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schluderer, L. R. 2018. “Imitating the Cosmos: The role of Microcosm-Macrocosm Relationships in the Hippocratic Treatise on Regimen.” *The Classical Quarterly* 68 (1): 31–52.
- Sharvy, R. 1983. “Aristotle on Mixtures.” *The Journal of Philosophy* 80 (8): 439–457.
- Suetonius Gaius Tranquillus. 1993. *Zhizn’ dvenadtsati tsezarey [De vita Caesarum]* [in Russian]. Trans. from the Latin by M. L. Gasparov. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Swan, P. M. 2004. *The Augustan Succession: An Historical Commentary on Cassius Dio’s Roman History, Books 55–56 (9 BC – AD 14)*. Oxford: Oxford University Press.
- Tacitus. 1925–1937. *Histories* [in Latin and English]. Trans. from the Latin by C. M. Moore. 5 vols. Loeb Classical Library, 35, 249, 312, 322. London and Cambridge (MA): Harvard University Press.
- . 1969. *Annaly. Malyye proizvedeniya [Annals. Small Works]* [in Russian]. Trans. from the Latin by A. S. Bobovich, Ya. M. Borovskiy, and M. Ye. Sergeyenko. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
- Thucydides. 1919. *Books 1–2* [in Ancient Greek and English]. Vol. 1 of *History of the Peloponnesian War*, trans. from the Ancient Greek by C. F. Smith. 4 vols. Loeb Classical Library 108. London and Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Tsitseron Mark Tulliy [Cicero Marcus Tullius]. 1966. *Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh [Dialogues. On the Commonwealth. On the Laws]* [in Russian]. Ed. by I. N. Veselovskiy, V. O. Gorenshcheyn, and C. L. Utchenko. Trans. by V. O. Gorenshcheyn. Moskva [Moscow]: Nauka.

- Val'denberg, V.. 2015. *Istoriya vizantiyskoy politicheskoy literatury v svyazi s istoriyey filosofskikh techeniy i zakonodatel'stva* [The History of Byzantine Political Literature in Connection with the History of Philosophical Trends and Legislation] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Dmitriy Bulanin.
- Yudin, G. 2021. "Rossiya kak plebistsitarnaya demokratiya [Russia as a Plebiscitary Democracy]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review] 20 (2): 9-47.